

ЕВГЕНИЙ КАЛАЧЁВ

ТАЙНА ЛУКИЧЁВСКОГО БЕЛОВОДЬЯ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Евгений Калачев

Тайна Лукичѐвского Беловодья

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Калачев Е.

Тайна Лукичёвского Беловодья / Е. Калачев — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-5576-6

«Тайна Лукичёвского Беловодья» — смысловое продолжение книг «Под покровом небес» и «Таёжный Китеж», выпущенных ранее в этой же серии. Главный герой, охотник-промысловик Сергей Лукич, вроде бы отыскал свой земной рай, где царит справедливость и свобода от власть имущих; рядом с ним любящая семья, верные друзья-охотники, вокруг благодать, казалось бы, живи и радуйся; но давнее прошлое новых мест неожиданно вновь и вновь заявляет о себе. Также в книгу включена повесть «Там, на нашей счастливой земле» об удивительных событиях, случившихся на берегах великих сибирских рек.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5576-6

© Калачев Е., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Тайна Лукичёвского Беловодья	6
Предисловие	6
1	9
2	13
3	20
4	22
5	33
6	36
7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Евгений Сергеевич Калачёв
Тайна Лукичёвского Беловодья
Сборник

* * *

© Калачёв Е.С., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Тайна Лукичѣвского Беловодья

Роман

*А была ли Священная земля у Славян и Ариев?
И если она была, то где она находилась?..
Да, у Славян и Ариев была и есть Священная
Земля, и называлась она Беловодье.*

*Страна Беловодье представлялась староверам
Местом, где царит справедливость и нет гнёта
власть имущих. Местоположение этой
страны постоянно менялось, но находились
те, кто утверждал, будто бы побывал в ней.*

Из древних преданий

Предисловие

По бескрайней Монгольской степи, покрывающейся в это время года изумительно нежной зеленой травой, под уже жарким, но еще не обжигающим апрельским солнцем, на юго-восток не спеша двигался караван из двух десятков навьюченных лошадей и пяти десятков пеших. Поверх выюков сидели, крепко держась своими ручонками, ребятишки постарше. Младшие, еще не умеющие как следует ходить, были на материнских руках, крепко посапывали после вкусного мамкиного молока. Подростки шли уже своим ходом, под присмотром матерей. Отцам же было не до них: кто-то из них вел караван, кто-то гнал за караваном небольшое смешанное стадо из нескольких коров, коз и десятка овец.

Навстречу, из глубин тех же центральноазиатских степей двигалась полторатысячная конница вооруженных шашками, карабинами и пулеметами, навьюченными на лошадей, воинов. И не сразу можно было определить по их одежде, по их обветренным и обожженным солнцем и злой непогодой лицам, чьи они, кто по национальности? Но то, что это были воины, готовые умереть в любую минуту за свою, только им известную правду, не вызывало никакого сомнения. Вел этих воинов поджарый, закаленный в многочисленных боях, походах и войнах человек средних лет, одетый в красно-вишневый монгольский халат и белую папаху. В руке у него был ташуур – монгольская плеть: оберег и символ власти, за спиной – короткий кавалерийский карабин, а по бокам – шашка в ножнах и «маузер» в деревянной кобуре.

В том месте, где почти незаметный уклон степи прекратился, а из-под земли совсем неожиданно для несведущего человека, но органично для природы обнаружился буйный, словно маленький фонтан, родник с ледяной и кристально чистой водой, пожилой, но еще очень крепкий мужчина с длинной и широкой никогда не стриженной бородой, сделал останавливающий жест ладонью, подошел к роднику и, перекрестившись двумя пальцами, припал к нему, оперевшись руками о траву. Сделав пару небольших глотков – вода ломила зубы, вдруг насторожился, поднялся на ноги, приставив ладонь к бровям, посмотрел на юг. Ничего не рассматривая, он припал ухом к земле.

– Что, Савватий? – спросил его мужик с такой же дикой, но черной бородой и возрастом помоложе.

– Вскочи на коня да глянь, Корнил, – сказал ему Савватий.

Корнил быстро это исполнил.

– Скачут.

– Кто?

– Не разобрать. Но тьма.

Савватий оглянулся: до пологих гор, которые были покрыты с северной, восточной и западной сторон лиственничной тайгой, было полдня пути. Других укрытий не было. Из оружия были только две старые гладкоствольные берданки от волков, охотничьи ножи да пара топоров. Савватий разделся до нижнего белья, подошел к роднику, обмыл от пота руки, лицо, шею, ступни ног и пошел навстречу приближающимся всадникам.

Корнил и еще три младших, таких же бородатых, брата разделись до исподнего, обмылись в роднике и так же босиком двинулись вслед за Савватием. Метрах в пятнадцати от каравана они остановились, встали в неровную шеренгу, опустили на колени и начали молиться:

Святой Николай Чудотворец!
Мы помним и чтим твою любовь, явленную некогда в Мирах
Ликийских
Трем невинно осужденным на смерть. Тогда ты чудесно остановил
руку палача,
Обличил градоначальника и заставил его исповедовать свое
согрешение.
И стало это чудо свидетельством милости Божией к нам.
Да будем причастны твоей благодатью любви к людям,
И пронесем любовь через всю жизнь.
Благословен Бог наш, и благословенна Его любовь в тебе, Святой
Отце!

Полуторатысячная конница остановилась, и уже вблизи был отчетливо виден воинский порядок в их рядах – деление на сотни. Всадник в белой папахе и красно-вишневом монгольском халате с ташууром в руке громко спросил:

– Откуда вы здесь, люди истинной веры, и далеко ли путь держите?

Савватий ответил:

С верховья мы Большой реки, а путь держим к Желтому морю.

– Что же вас погнало в такую даль с мест ваших намоленных и насиженных?

Савватий внимательно окинул взглядом всадника, его адъютанта в золотых царских погонах.

– Бежим от бесовской власти, – выдохнул он.

– Так, а почему к Желтому морю, а не в Ургу – мы освободили её от китайцев, или не в Маньчжурию?

– Так, по морю дальше двинемся, в Америку Южную – там есть наши братья по вере, истинно верующие, – ответил Савватий.

– Так, значит, свою Большую реку бесовской власти оставляете? – Конь под седоком нетерпеливо заходил, всадник инстинктивно потянул руку к шашке, ощутив её, успокоился.

– Там у нас брат остался – присмотрит, – сглотнув слюну, сказал Савватий.

– А как звать-величать брата?

– Онисим.

– Привет передать? – озорно засмеялся всадник.

Старовер понурил голову.

– Тебя звать-то как?

– Савватий.

Улыбавшийся золотопогонный адъютант спросил:

– Что с ними делать будем, Роман Федорович?

– Пусть идут с Богом, и выдать каждому из них из моей императорской казны по золотому червонцу и сопроводить полусотней казаков в два дня пути!

– Спасибо, да хранит вас Господь наш Батюшка. – Савватий перекрестился и низко поклонился. Вслед за ним начали креститься и кланяться его братья. – Только денег мы не возьмем и от казаков откажемся.

– Ну, сами решайте, – усмехнулся всадник. – Сейчас у нас в Монголии неспокойно – китайских лазутчиков много. – И легонько стегнув ташууром коня, поскакал, уводя за собой полуторатысячную императорскую армию, которая перед этим выбила китайские войска из Урги – столицы Монголии, и со всей территории Внешней Монголии, а вслед за освобождением Верхнеудинска, Урянхайского Белоцарска, Иркутска, Красного Яра, Новониколаевска и Омска от бесовской власти, планировала реставрировать империю Чингисхана, которая должна была раскинуться от Тихого океана до Каспия.

1

Еще задолго до прибытия на место, когда лодка, преодолевая сильное встречное течение, надсадно ревя двумя старенькими «Вихрями», медленно продвигалась к цели, Тайга непонятно каким чутьем поняла, что он где-то здесь. Кобели Самур и Грай, может, от того, что плыли в другой лодке, а может, потому, что им это было знать не дано, спокойно посматривали на проплывающие берега, обыкновенно реагируя, на ту или иную дичь: вскакивали на лапы и, напряженно глядя в ту сторону, нетерпеливо повизгивали, особенно, если добыча была совсем близка от них. А, проплыв её, спокойно усаживались опять на дно лодки. Тайга же стояла, вытянувшись в напряжении, готовая встретить того, кого никогда раньше не встречала. И лишь длинная лодка своим высоким носовилой въехала плавно на берег, Тайга спрыгнула на сушу и, пока хозяин, ухватившись за цепь, затаскивал нос лодки подальше на берег, чтобы её не сорвало течением, бросилась в сгустившуюся темноту.

На суше, после отражающей водной гладью света луны, было совсем темно, а черные высокие ели, куда бежала Тайга, придавали этой темноте ощущение крошечной тьмы. Но у семимесячной Тайги уже прорезались острые коренные резцовые клыки, которые еще не достигли своего максимального размера, но уже были остры, как бритвы, способные порвать в клочья любого врага. Но, несмотря на появившееся такое грозное оружие, дух у Тайги еще оставался щенячьим. А оружие без сильного духа является ничем другим, как лишь грозной маскировкой, которая, конечно, может отпугнуть раз, другой, но когда враг почувствует, что грозное оружие – лишь бутафория, то будет делать с его обладателем все, что захочет.

Еще совсем недавно щенячий дух не давал Тайге справиться даже с драчливым петухом, защищавшим своих кур, а кошка – та вообще могла ударить когтистой лапой по любопытному носу Тайги, не прерывая мурлыканья своим котяткам. Было, конечно, больно, но обиднее было еще сильнее. А Самур, которого она почитала за вожака их собачьей стаи, никак не реагировал на выходки злой Муси, продолжая радостно часто дышать, высунув длинный язык, от того что котятка ползала по нему в его же собачьей будке.

Сейчас же, мчась по ночному и совершенно незнакомому полю, Тайга думала лишь об одном – не сбиться бы с пути, не опоздать. Потому что то, к чему её неудержимо тянуло, могло неожиданно исчезнуть, раствориться в бескрайней ночи. И тогда бы стало неизвестно, как сложится её жизнь на новой земле, на новом месте. Как сложится жизнь её стаи: вожака – Самура и её родителя – Вовки, который был с самого её несчастного рождения и матерью, и отцом. И кормильцем, и воспитателем...

Но детство заканчивалось, и Тайга своим неопытным нутром еще не понимала, что с каждым прыжком по этому ночному полю она становилась все взрослее и взрослее.

Добежав до песчаного увала, на котором росли сосны, она свернула вправо, в лог, поросший черными елями. И вязкая чернота, казалось бы, тормозила её, схватив за толстый хвост и приводя её душу в смятение. Но та неведомая сила, которая тянула её сюда, потянула вперед с невероятной, неземной мощью, и она оказалась у огромного камня, взглянув на вершину которого, она обомлела.

Огромный волк с золотой шерстью стоял на вершине камня и грозно, и спокойно взирал на то, что происходит на его земле. Он видел и длинные лодки с незнакомыми людьми и собаками, причалившими на берег, видел и серого щенка, бежавшего к нему, видел и многое другое, что не дано было видеть простому смертному.

Желтая луна освещала его, как днем, придавая его серой, такой же, как у Тайги, шерсти золотистый цвет. Тайга брюхом покорно легла на мягкий мох. Казалось, что золотой волк её не замечает. Тогда она на полусогнутых лапах обогнула сбоку камень и стала ползти по пологому подъему к вершине камня. Когда до золотого волка оставалось не больше метра, она опять

легла брюхом на мох, которым был покрыт огромный камень, и стала терпеливо ждать. Золотой волк, окончив осмотр своих владений, развернулся и, прежде чем сделать гигантский прыжок, протянул свою крупную голову к щенячьей морде, терпеливо ожидающей своей участи, и лизнул её в мокрый нос. И Тайга ощутила, что совсем малая часть его невероятной силы перелилась к ней. Но ей этого хватило, чтобы мгновенно стать взрослой и ощутить в себе такую мощь духа, что никто уже её и никогда не смог бы ни напугать, ни сломить, ни одолеть. И она совсем по-волчи взвыла, извещая об этом всему окружающему миру.

Тайга и не заметила, как Золотой волк, будто растворившись в воздухе, исчез. Но ей уже и не нужен был покровитель. Теперь она брала под свое покровительство и защиту всех, кто находился в этой местности, включая и собак, и скот, и людей. Теперь она была ответственна за них, и Тайга серой ночной стрелой метнулась назад на берег, где люди выгружали из лодок свой скарб, птицу и скотину...

Столь разительные перемены в Тайге невозможно было не заметить, и первым, конечно, это почувствовал сам Вовка. Раньше Тайга все время лезла ему под ноги, будто напоминала о себе, что ей нужна защита, а сейчас, вместо приветствия лизнув руку хозяина, она уходила за Вовкину спину – теперь она его защищала, чуя самое уязвимое его место.

Сергей Лукич тоже заметил, что Тайга уже не носилась по полю, по огороду, вдоль изб, хаотично выплескивая энергию, а в её движениях появилась цель: она словно очерчивала границы, куда чужим доступ был запрещен, совершая большие круги вокруг тех же изб, стоек, огородов, людей, а когда молодой скот и овец начали пасти, – нарезать круги и вокруг них. И это поведение уже было поведением не охотничьей собаки, но сторожевой. И хотя Самур часто выполнял и сторожевую функцию, присматривая за телкой и бычком, но делал это без особого рвения, так, между охотничьим делом.

«Посмотрим, какой из тебя охотник будет», – размышлял, глядя на Тайгу, Сергей Лукич, но на душе у него от такого поведения Тайги становилось все же спокойней.

– Вовка, кажись, у твоей волчицы клыки вылезли? – сказал он сыну.

– Наверное, – улыбнулся Вовка.

– Так, наверное, или вылезли? – спросил Лукич.

– Ну, так посмотри! – улыбнулся Вовка.

– Так не дастся она мне, – сказал Лукич.

– Так и мне может не показать! Поди, не на собачьей выставке экстерьера. Нам ведь что – медали не нужны, – намекая на то, что когда-то по молодости возили в город Самура, где он занял второе место.

– А почему не первое? – удивился тогда Сергей Лукич. – По всем стандартам подходит, и красив, и умен.

– А ноздри у него слишком широкие, – нашелся что сказать один из членов экспертного совета, который голосовал за городскую лайку.

После этого пустого разговора с собачьим экспертом по всяким выставкам они с Самуром перестали ездить. Вовка тогда был еще подростком и очень гордился, что у его собаки есть медаль, пусть даже и за второе место, и ему хотелось, чтобы медалей было много, потому что он любил Самура и гордился им. Но было не до этого – в город мотаться было все-таки слишком далеко, да и не для медалей нужен был Самур, а для охоты.

Сергей Лукич тоже вспомнил про медаль и улыбнулся:

– От одного вида Тайги все эксперты, да и городские их шавки, разбежались бы кто куда!

– Это точно, – с легкой гордостью произнес Вовка.

И на внешность Тайга как-то уж почти мгновенно преобразилась. Обычно собаки растут до года и потом еще до полутора лет набирают крепость и мощь, а Тайга после прибытия на новое место вдруг в одночасье вымахала в рост и стала в холке вровень с Самуром, но тело у нее было длинным, как торпеда. У лаек тело короткое, удобное для того, чтобы можно было

легко увернуться от удара медвежьей лапы, и по насту с коротким, а значит, с более легким телом легче передвигаться – лапы не проваливаются сквозь жесткую корку снега и потому не ранятся в кровь. У Тайги тело было, как у овчарки или как у волка. Она была, может быть, не такой юркой, как лайка, но если она нападала, то делала это наверняка из засады, все рассчитав, и редкая добыча могла от нее ускользнуть. И охотилась она, особенно на небольшую добычу, своим особым способом. Выследив из засады суслика на поле, затаившись для этого надолго в траве, она внезапным прыжком оказывалась рядом, но не вцеплялась в добычу пастью, как многие собаки это делают, а, клацнув клыками, подбрасывала суслика вверх, чтобы он в агонии своими острыми резцами на располосовал ей морду, а когда он падал, не давая упасть ему на землю, наносила контрольный удар своими клыками, дробя у добычи череп.

Вместе со взрослой внешностью к Тайге пришли невероятные напор и сила, а главное, безоглядность на то, что она делает. Она устанавливала свою жесткую, но справедливую власть над окружающим её миром. И первым на пути к достижению этой цели попал Грай. Грай был старше нее. И занимал второе место после Самура в собачьей иерархии. Но надо было видеть, как Тайга мгновенно сместила его с этого пьедестала, налетев из засады стремительно и молча, опрокинув его ударом своего тяжелого и мощного тела, на спину и сжав своими челюстями шею кобеля. Если бы он попытался вырваться из этого смертельного капкана, то длинные острые клыки мгновенно порвали бы его гортань и кровеносные сосуды. Шансов у Грая не было – он покорился новой силе, уступив Тайге второе место в собачьей иерархии.

Среди остальных домашних животных все, кроме Муси, безропотно подчинились Тайге, за что она охраняла их от непрошенных вторжений дикого мира, безжалостно истребляя всех, кто переходил границу, ею же и очерченную. Труднее всего Тайге далась борьба с самым страшным таежным хищником – лаской. Этот небольшой зверек с длинными, как иглы, клыками абсолютно не ведал страха, мог напасть на дичь, во многом превосходящую его по размеру и силе, вцепляясь обычно в основание черепа, там, где мозжечок, высасывая у убитой жертвы кровь вместе с мозгом. Кроме бесстрашия ласка обладала еще незаурядным умом и изобретательностью, находя пути к добыче и стараясь нападать на спящую жертву, когда та не могла оказать никакого сопротивления.

Тайга несколько раз натыкалась на следы ласки, пыталась её выследить, но та на день либо укрывалась в подкорневые норы, либо уходила далеко в тайгу, где её след терялся среди горных ручьев. Но, когда ласка проникла в стайку и задавила двух подросших уже цыплят, Тайга легла в засаду. Место для засады она выбрала на опушке соснового бора, чтобы, когда ласка выйдет на поле, отсечь пути отступления её в лог.

Сергей Лукич с Вовкой тогда даже заперезживали: куда же исчезла Тайга?

Но на вторую ночь ласка вышла на охоту. Она шла бесшумно и неспеша, обнюхивая уже старые, двухсуточной давности, следы Тайги. Ветерка, который мог бы принести свежий запах, не было. И когда она отошла от спасительного для себя ельника на несколько сот метров, Тайга стремительно ринулась к ней. Ласка, конечно, увидела её, метнулась из стороны в сторону, но укрытия подходящего не было. Бежать назад в лог было поздно, и ласка приготовилась к последнему своему бою.

Сначала она встала на задние лапы, чтобы точно определить направление и скорость, с какой движется смертельный враг. Потом опустила всеми лапами на землю и сжалась, словно пружина, и, когда до врага оставалось метра полтора, взвилась вверх, пытаясь оседлать загривок Тайги. Но не тут-то было. Тайга своим отработанным приемом, неуловимо вскинув голову, клацнула клыками, переломав ей ребра, и подбросила её вверх. Ласка отчаянно растопорщила лапы с когтями, чтобы вцепиться в морду врага, и обнажила для удара свои острые, как иглы, клыки, но челюсти Тайги сомкнулись второй раз уже на голове ласки. Для ласки все было кончено, а для Тайги все только начиналось:

Пришло время выстраивать свою иерархию и среди людей. И она, уже по-серьёзному, зарычала на Татьяну, которая погнала её от деревянного стола на улице, на котором летом женщины разделявали еду, жаря, паря и варя её на выложенном речным камнем очаге.

– Ух ты, падина! – заругалась на нее Татьяна. – Готовить не буду – подохнешь с голоду!

Вовка был рядом, схватил Тайгу двумя руками за морду и, глядя в глаза, произнес:

– Убью!

Тайга не испугалась – она любила Вовку больше всех и готова была от его руки принять и смерть, но она поняла, что и её господству есть предел, как есть предел всему живому на этой земле. Поняла и больше на своих не рычала: ни на Сергея Лукича, ни на Семена, ни на Татьяну, ни на Любашу. И даже Мусю, которая последнее время от нее пряталась, снисходительно приняла, облизала – пусть Муся ловит мышей в стайке. Не ей же самой заниматься еще и мышами.

2

Господин Журавин Михаил Иванович еще в комсомольскую юность понял и на практике отработал простую, казалось бы, истину. Чтобы был результат, положительный результат, и чтобы не было неприятных неожиданностей, которые могут выкинуть тебя на обочину этой прекрасной жизни, нужен труд и время, потраченное на этот труд. Но под трудом – и он это быстро усвоил – нужно понимать не то, что ты делаешь сам, своими руками, своими знаниями и своим интеллектом медленно, добросовестно, но мало результативно, точнее, мало-продуктивно, а труд, его труд, – это правильно организованный трудовой процесс окружающих и зависимых от него людей, специалистов, интеллектуалов. И этим Михаил Иванович успешно пользовался, сначала заинтересовывая комсомольцев и комсомолок с высоты своей районно-секретарской должности грамотами, мандатами на пленумы, путевками на черноморское побережье, а став миллиардером – денежным эквивалентом. Миллиардером делать было это легче и намного продуктивнее.

Вернувшись на главный свой горно-обогащительный комбинат, господин Журавин дал команду сутки отдыхать начальнику геологоразведки, его подчиненным и проектировщикам.

– Спице, отмокайте в ваннах, отъедайтесь домашними борщами, а завтра, в десять утра, жду вас. Работать будем долго, поэтому предупредите жен, что домой ночевать не придете. Можете прихватить термосы, домашние бутерброды, если моим не доверяете. Форма одежды – комфортная. Все, – сказал Михаил Иванович.

Когда все вышли из кабинета, господин Журавин нажал кнопку дистанционной связи и сказал референту:

– Пусть зайдет генеральный директор.

После доклада генерального директора о мерах, принятых по ликвидации последствий разлива нефтепродуктов, Михаил Иванович сказал:

– Занимайтесь текущими делами, если потребуесть – я вас приглашу.

Генеральный директор вышел из кабинета, а господин Журавин вновь задал себе засевавший, как заноза, глубоко в мозгу вопрос: «Так кто же все-таки слил информацию об аварии?» Ответа у него не было. Во всяком случае – пока.

Михаил Иванович посмотрел на часы – в Москве начинался рабочий день, поднял трубку стационарного телефона. Поразмыслив, аккуратно положил её обратно, взял мобильный телефон.

«Он, конечно, менее защищен от прослушки, чем стационарный, но от местных возможных информаторов, наверное, вариант получше», – подумал Михаил Иванович и нажал вызов.

На другом конце не сразу, но ответили.

– Это Журавин. Разрешите прибыть к вам, доложить, как идет ликвидация последствий аварии, и предложить план по новым инвестициям.

– Конечно, Михаил Иванович. Вы у нас VIP-персона. Когда будете? – ответил московский абонент.

– Через два дня.

– Ждем, – ответил московский абонент и прервал связь.

Господин Журавин отключил мобильный, положил его на край огромного итальянского письменного стола.

«Вроде все идет по плану, но какой-то нехороший осадок в душе, – подумал он. – Надо разобраться, от чего?»

Михаил Иванович встал с удобного кожаного кресла, прошелся по огромному, но уютному кабинету со звукоизолирующими стенами и потолком, огромным ковром на полу с надежной охраной, референтами и ресепшеном и в приемной, и при входе в административное зда-

ние. Это его немного успокоило, но вскоре раздался сигнал второго мобильного телефона. Михаил Иванович подошел к столу, взглянул на экран – звонили из лондонского офиса.

– Слушаю.

– Добрый день, Михаил Иванович. Извините за беспокойство, но ваши адвокаты не могут никак с вами связаться.

– Да, я улетал в глухую тайгу, а там почта только голубиная, – через силу улыбнулся господин Журавин. – Я с ними сейчас созвонюсь. Как там у вас дела? Все нормально?.. Ну хорошо, скоро буду, работайте.

Михаил Иванович опять прошелся по кабинету, оттягивая неприятное действие – звонок адвокату. «Вот от этого и нехороший осадок на душе, от этого и стресс, который незаметно, словно грибок, подтачивает могучий деревянный столб, на котором и держится вся конструкция. И однажды, если не принять мер, рухнет и этот прочный некогда столб, а вместе с ним и вся конструкция полетит в тартарары», – думал он и непроизвольно начал расчесывать локоть левой руки, короста с которой сошла после водных процедур на Диком аржаане.

– Надо решать, – самому себе твердо сказал Журавин и пальцем коснулся контакта на экране мобильного, обозначенного как «Адвокат». – Монинг, мистер Цитрин! Я был в медвежьих местах, где нет совсем цивилизации: ни газет, ни радио, ни телевидения, ни телефонов, ни Интернета. Там и людей даже нет – одни медведи, поэтому и не отвечал на звонки, – сказал господин Журавин. – Как наши дела? Согласилась леди взять сто миллионов фунтов и подписать мировое соглашение? Нет? А что её не устраивает?.. Хочет половину моего бизнеса?.. Так! Appetit приходит во время еды!.. У нас так говорят: «Appetit приходит во время еды!» – повторил господин Журавин, еле сдерживая гнев на свою бывшую жену, с которой уже год не мог оформить развод. И это при наличии лучших адвокатов Великобритании. Но, наверное, и она неплохо подготовилась – сидит там в Лондоне, в его поместье, и только этим занимается! – Мистер Цитрин, у вас есть чем ответить этой безумной леди?.. Надо подумать?.. Ну, так думайте – за что я вам плачу такие огромные деньги?!

Господин Журавин отключил телефон, не сдержавшись, выругался по-русски от всей души – иногда это помогает от инфаркта, крепко сжал кисти рук в кулаки.

– Получишь ты у меня половину бизнеса! Жди! – И он через силу улыбнулся. И если бы кто-нибудь видел его в это время со стороны, то понял бы, насколько опасен этот человек в гневе.

Минут десять господин Журавин ходил по кабинету от письменного стола до двойной двери, обдумывая план действия, потом взял третий мобильный телефон и позвонил своему брокеру, торгующему ценными бумагами на Лондонской фондовой бирже.

– Хелло, мистер Скотт! Как дела? Всё сделали, как я просил?

– Хелло, господин Журавин! Все сделали! Было трудно, но мы справились и даже закон не нарушили – все разрешения от контролирующих органов получили быстро и в срок, – засмеялся брокер. – Сначала указанную позицию продали, а когда рынок рухнул – успели все количество проданных бумаг выкупить по более дешевой цене. И сделали это молниеносно – до того, как торговля ценными бумагами вашего холдинга была приостановлена. И даже немного заработали на этом, точнее, осталось немного денег от высокой цены, – доложил брокер.

– Сколько? – спросил господин Журавин.

– Один фунт с девятью нолями, – засмеялся брокер.

– Хорошо. Свой процент не забыли? – спросил господин Журавин.

– Да какой процент, Михаил Иванович? Сотая доля процента! – засмеялся брокер.

– Не прибедняйтесь, мистер Скотт, получаете с каждой сделки! У нас говорят: «Курочка по зернышку клюет»... Ну, хорошо, мистер Скотт, объявляю вам благодарность. Это плюс к процентам. И вышлите мне подробный отчет о всех покупках-продажах, котировках, комиссиях, разрешительную документацию на сделки, – сказал Михаил Иванович.

– Окей, господин Журавин! Уже отправляю.

При всём при том, что еще с комсомольских времен господин Журавин научился и привык делегировать свои полномочия и дела, которые поручались непосредственно ему, но было и то, что он не мог передоверить никому – это его личные деньги, его личный капитал. Были времена, тогда и деньги были небольшие по сравнению с нынешними, когда он контролировал денежные потоки, ставя свою подпись на платежных поручениях. Но времена изменились, и пришлось стать специалистом по онлайн-платежам. Было непросто, а порой и муторно, и недоверия было много к этим Интернет-счетам, офшорным компаниям-прокладкам, зарегистрированным в малонадежных государствах-островах, и много паролей приходилось держать в памяти. Но осилил, выстроилась определенная логистика в голове, которая целиком была доступна только ему и больше ни одному человеку в этом мире.

Господин Журавин открыл сейф, в котором когда-то хранились пачки денег, а сейчас ноутбук, мобильные телефоны, банковские карты, да и пара пачек долларов на непредвиденные мелкие расходы, достал компьютер и мобильный телефон, к которому были привязаны онлайн-счета. Сев в удобное кожаное кресло, позвонил по внутреннему телефону референту:

– Меня ни для кого нет – я вне доступа, понял?

– Понял, Михаил Иванович.

Господин Журавин открыл ноутбук, подключил к Интернету, ввел пароли, внимательно изучил отчет брокера и начал выводить деньги с брокерского счета.

Завибрировал мобильный телефон – звонил брокер.

– Не переживайте, мистер Скотт, это я вывожу деньги, – сказал Михаил Иванович. – Не переживайте, мистер Скотт, деньги на налоги поступят позже. Где их взять – решим позже. Всё – конец связи.

Когда все поручения на вывод денег были сформулированы, Михаил Иванович через код подтвердил вывод денег десятью траншами с брокерского счета, а когда деньги поступили на счета его офшорных компаний, начал их перегонять с одного счета на другой, с одной компании на другую, пока они не сгнули от зоркого нехорошего взора недоброжелателя, будь то его бывшая жена или налоговый инспектор, или въедливый журналист, или еще бог знает кто.

Закончив эту тяжелую, важную и напряженную работу, Михаил Иванович вышел из всех программ, выключил ноутбук и привязанный к нему мобильный телефон, закрыл их в надежный сейф и, подойдя к бару, налил в большой бокал настоящего французского коньяка. Присел на роскошный кожаный диван и, откинувшись на удобную спинку, сделал глоток ароматного напитка.

«Половину бизнеса захотела?! Ну-ну, посмотрим, что ты получишь!» – но ни в мыслях, ни в голове господина Журавина уже не было той жесткости, что изначально: действия, правильные действия, они всегда побеждают негативные мысли и чувства, приводящие к стрессу, который является главным убийцей людей в двадцать первом веке.

Перевод денег в значку на самый черный день и выпитый коньяк подействовали успокоительно на господина Журавина, и он хорошо выспался в комнате отдыха при его кабинете. И на следующее утро он был снова готов к привычной работе: давать указания и контролировать исполнение их. И, когда ровно в десять утра в кабинете собрались начальник геологоразведки, его помощники, проектировщики, финансовый директор с бухгалтерами и экономистами, господин Журавин распорядился:

– Мы сегодня должны проделать важную и пока абсолютно секретную работу: составить бизнес-план, проектно-сметную документацию, заявки на получение лицензии по разработке нового рудного полиметаллического месторождения, получения льготного кредитования, освобождения от налогов на время строительства горно-обогатительного комбината и так далее и тому подобное. Объем работы большой, но и нас немало. – Он окинул взглядом своих

специалистов, собравшихся в его огромном кабинете. – Все вы – профессионалы. Работаем здесь, в моем кабинете, никто сегодня домой не уйдет, пока работа не будет сделана.

– А обед будет? – задал вопрос геолог.

– И обед будет, и чай, и кофе, и ужин, – улыбнулся господин Журавин.

– А диван, чтобы вздремнуть после обеда? – спросил все тот же геолог.

– Будет, – улыбнулся господин Журавин. – Для тех, кто досрочно и качественно выполнит свою работу... А теперь занимайте удобные для каждого из вас места, в том числе и мое, и приступаем к работе.

Медленно, почти через силу, даже с паникой и непроизвольным ропотом, начиналась объемная бумажная работа, которая необходима в любом большом и серьезном проекте, но к обеду начали обозначаться уже ощутимые контуры, формы, которые нужно было заполнить цифрами, таблицами, графиками, фабулами, аналитическими записками и заключениями. Конечно, все это легко ложилось на бумагу, переделывалось, исправлялось, дополнялось благодаря современным цифровым технологиям, а если кратко – компьютерам, сканерам, ксероксам, цветным принтерам, которые были доставлены в кабинет господина Журавина его референтами заблаговременно.

Обедали партиями по профессиям: геологи, проектировщики, финансисты, в комнате отдыха господина Журавина. Стол накрывал личный повар Михаила Ивановича с помощниками. Здесь же можно было воспользоваться и туалетом, чтобы вымыть руки и привести себя немного в порядок.

Все было предусмотрено, работа была организована и раскручивалась, как огромный тяжелый маховик, но господин Журавин и не думал никуда уходить или отвлекаться еще на что-нибудь. Он был здесь, готов был к любым вопросам, на которые формулировал быстрый четкий и убедительный ответ, стимулируя тем своих специалистов к быстрой и продуктивной работе.

– Понятно, что все цифры сейчас приблизительные, будут в дальнейшем корректироваться. Это не страшно – ведь финансирование будет идти в основном за счет собственных средств. Главное, чтобы цифры бились, – говорил господин Журавин.

– Михаил Иванович, а где будем ставить административный корпус комбината? – задавал вопрос проектировщик.

– Мы же были с вами на месте – там, где стояли палатки. На противоположной стороне лог от основного дробильно-обогажительного корпуса. Лог перекроем дамбой, выше дамбы будут очистительные сооружения, а по дамбе будет проезд и проход между промзоной и административной, – отвечал господин Журавин.

В семь часов вечера был обещанный ужин, а к полуночи работа была закончена: толстые переплетенные и пронумерованные, копированные в десяти экземплярах тома лежали на столе господина Журавина, служебный автобус развозил специалистов по домам, а сам Михаил Иванович уже собирался в Москву.

В Москве все прошло без сучка и задоринки: пока референты сдавали подготовленные документы в канцелярию Правительства, развозили запросы и документы по другим учреждениям и ведомствам, господин Журавин заглянул в кабинет к Премьеру – благо он был не очень занят, коротко доложил о проделанной работе и об устранении последствий аварии, и о проекте нового горно-обогажительного комбината. И все было вроде как хорошо, но небольшой негативный осадок от посещения Белого дома на набережной Москва-реки, у него остался. Господин Журавин, уже отъезжая на своем скромном «майбахе» от здания Правительства, стал анализировать все детали, разговоры, встречи – вроде и прицепиться не к чему: все как обычно, и вежливые улыбки, и доброжелательные рукопожатия: «О, Михаил Иванович, собственной персоной к нам пожаловал?! Как там Лондон? Как Италия?.. А? Только из Сибири?.. Ну, как там Сибирь?!»

Но что-то все равно было не так – господин Журавин нутром чувствовал, – и он вновь и вновь прогонял все в памяти: «Ну, то, что господин Премьер не пригласил к себе ни замов по экологии, ни по финансам, ни по промышленности, можно было оправдать тем, что совещание не планировалось, а у всех своя плановая работа», – думал господин Журавин. – И то, что никто, даже в шутку или из вежливости, не предложил ему ни коньячка, ни другого горячительного напитка – кофе, чай не в счет, – тоже понятно. Утро же еще. Но, с другой стороны, эта непонятная радостная суета в приемной у одного из вице-премьеров, свидетелем которой случайно стал Михаил Иванович: «Подумаешь, медвежьи шкуры! Эка невидаль! Вон сколько шастает по тайге этого зверя!»

Два дня, которые дал Премьер своим службам на анализ документов, чтобы одобрить длительную подготовку разрешительной документации и согласования между различными министерствами и ведомствами по строительству нового горно-обогатительного комбината, господин Журавин решил провести в Москве, но в свой особняк на Рублевке ехать не хотелось – слишком много было негативных воспоминаний о совместном проживании с женой, поэтому он заселился в роскошную гостиницу с видом на Кремль и занялся тем, что начал собирать информацию о бракоразводных процессах его коллег-миллиардеров, о наследственных делах их потомков, о налогообложении этих наследств. И пришел к выводу, что и ему давно уже нужно было подумать обо всем этом.

Через два дня, в назначенное время, господин Журавин прибыл к Премьеру. В большом, но уютном кабинете кроме самого Премьера его уже ожидали вице-премьер, курирующий экологию, и вице-премьер по финансовому блоку.

Господин Журавин это сразу про себя отметил, но виду не подал – вдруг вице-премьер промышленности просто запаздывает?

– Не буду долго тянуть, Михаил Иванович, – после приветствия и приглашения за стол для переговоров доброжелательно произнес Премьер, – сразу приступлю к делу. А как вы смотрите, если мы заключим с вами сделку: мы освобождаем вас от строительства нового горно-обогатительного комбината, а те инвестиции, которые вы предполагали потратить на стройку, пустим на восстановление экологии?

Господин Журавин от такого поворота событий на некоторое время онемел, но в жизни он сталкивался и не с такими проблемами, да и интуиция его в очередной раз не подвела, и он спокойно спросил:

– А как же решение Первого лица?

– Решение Первого лица будет беспрекословно выполнено, – сказал Премьер. – Это уже дела Правительства! – И, сделав паузу, продолжил: – Что скажете, Михаил Иванович?

– Хотелось бы услышать конкретные цифры, – сказал господин Журавин.

Премьер посмотрел в сторону вице-премьеров.

– Сейчас на ваш металлургический холдинг наложен штраф. – Вице-премьер, курирующий экологию, начал по-деловому листать страницы толстого документа так, как будто сумма ему была неизвестна. – Сумма всех штрафов составляет около ста миллиардов рублей, – наконец доложил он.

За ним взял слово вице-премьер по финансам. У него арифметика была проста:

– К этим ста пополним бюджет еще на шестьдесят. И ограничимся общей суммой в сто шестьдесят миллиардов рублей.

– А рассрочка возможна? – спросил господин Журавин.

– Конечно, разобьем поквартально, – сказал вице-премьер по финансам.

Господин Журавин вспомнил, сколько он заработал денег при падении акций на Лондонской бирже, вздохнул и произнес серьезно:

– Деньги серьезные, но для нашей матушки-природы не жалко...

Уже в машине он сделал несколько звонков.

– Хелоу, мистер Скотт! У вас компьютер рядом? Да, да сейчас будем продавать, а когда будет новость и акции рухнут, будем покупать – все по той же схеме и на ту же сумму! И разрешительные документы готовьте!..

– Срочно ко мне в гостиницу нотариусов и журналистов! – Этот звонок был сделан своим помощникам.

– А почему в гостиницу, а не в офис?

«А потому что среди наших сотрудников завелся крот, или, может, „слушает“ кто?» – мог ответить господин Журавин, но сказал своему референту другое: – Немного подустал – хочу отдохнуть.

Пока господин Журавин пробирался по московским пробкам до гостиницы – даже проблесковый маячок плохо помогал двигаться быстрее, к гостинице, очевидно, на метро, уже стали подтягиваться нотариусы с помощниками и журналисты. Но, прежде чем начать с ними работать, господин Журавин уединился в своих апартаментах и позвонил в Лондон.

– Мистер Скотт, как дела? Начали продавать?.. Сколько еще времени надо?.. Минут пятнадцать?.. А документы в контролирующие органы отправили?.. Успокойтесь, мистер Скотт, никто нас не посадит!.. – Господин Журавин отключил мобильный.

«Нужно, наверное, уходить с Лондонской на Московскую биржу – у нас все вопросы решать легче», – подумал он, и усмехнулся, вспомнив сегодняшний отказ по строительству нового горно-обогатительного комбината. – «Все равно выясню, кто перешел мне дорогу».

Ровно через пятнадцать минут в апартаменты господина Журавина референты пригласили нотариусов.

– Хочу оформить дарственную моим детям: каждому из пяти моих детей от двух браков дарю по одному миллиону долларов США, но деньги можно тратить только на определенные цели, например, на учебу и т. д. – список у моих референтов. У них же – копии документов моих детей, – сказал господин Журавин.

Все, участвующие в этом процессе, понимали, что это еще не всё.

Господин Журавин посмотрел на часы, выждал еще некоторое время, потом произнес:

– То, что я сейчас произнесу, является абсолютно конфиденциальной информацией – даже мои помощники еще не в курсе. Поэтому постарайтесь, чтобы не было утечек до поры до времени. – Господин Журавин опять сделал паузу. – Я хочу передать двадцать процентов от общего количества акций металлургического горно-обогатительного холдинга, – а вы знаете, у меня всего чуть более тридцати шести процентов, сотрудникам наших предприятий. Из оставшегося количества акций еще часть я планирую продать, чтобы выплатить штрафы за экологическую катастрофу. О ней вы все слышали. И хочу, чтобы вы совместно с нашими юристами проработали этот вопрос.

В уютных апартаментах вдруг повеяло холодом. Все – и нотариусы, и их помощники, и референты, смотрели на господина Журавина и не понимали, что происходит.

Господин Журавин ушел в спальню, плотно прикрыл за собой дверь, помощники нотариусов приступили к оформлению дарственных.

«Всё равно кто-нибудь из помощников или самих нотариусов проболтается, и тогда акции полетят вниз», – удовлетворенно подумал господин Журавин, взглянул на часы – счет шел на считанные часы.

Минут через двадцать в дверь постучал референт:

– Михаил Иванович, дарственные готовы, можно подписывать.

Господин Журавин подписал бумаги, нотариусы заверили, внесли записи в регистрационные журналы, господин Журавин расписался еще и в них.

– Спасибо, господа, деньги за услуги перечислит мой финдиректор.

После нотариусов в апартаменты были допущены журналисты.

– Я вас пригласил, чтобы вы из первых уст узнали, что мы сейчас здесь произвели. А произошло следующее: я оформил дарственные всем моим пятерым детям в размере одного миллиона долларов каждому. Подробности у моих референтов или у нотариусов. И второе, я решил полностью нивелировать последствия экологической катастрофы и для этого решил продать часть акций металлургического холдинга, – сказал господин Журавин и, прежде чем журналисты начали задавать вопросы, удалился в спальню.

Через час позвонил лондонский брокер мистер Скотт:

– Мистер Журавин, котировки акций холдинга обрушились – торги временно приостановлены. Когда будем покупать?

– Давай дотерпим до утренней сессии, а там посмотрим, – спокойно произнес Михаил Иванович.

– А что, еще будут падать?

– У русских есть поговорка, мистер Скотт: «Поживем – увидим».

Через минуту раздался звонок от второго по количеству акций акционера холдинга.

– Что случилось? – еле сдерживаясь, спросил он.

– Ничего, – спокойно сказал господин Журавин. – Журналисты вечно панику устраивают. Про многомиллиардные штрафы ты знаешь. Ну, может, еще добавят... Да ты пока не спеши подбирать – может, еще скорректируются.

– Да было бы на что! Ты же знаешь, что американский минфин обложил основную мою компанию – хочет своих людей в совет директоров впихнуть.

– Ну, тогда не парься – жди дивиденды.

Минут через десять после разговора с главным партнером по холдингу господин Журавин набрал номер адвокатской конторы в Лондоне.

– Мистер Цитрин, направьте моей бывшей леди новое предложение: пусть забирает мой лондонский дом и получит отступные в размере пятидесяти миллионов фунтов.

– Но это же в два раза меньше, чем раньше?

– Пусть соглашается, а то и этого может не получить! Но это нужно сделать на следующей неделе – тогда вся информация до нее и её адвокатов дойдет. И вы сами последите за прессой, за котировками, ладно, мистер Цитрин?

«Ну, кажется, все – ничего не забыл», – и господин Журавин лег прямо в одежде на кровать. Так ощутимо и нестерпимо захотелось на свою великолепную виллу в Тоскану! И тут он вспомнил еще про одно небольшое дельце, которое потонуло и ушло на самый задний план. Он позвонил генеральному директору своего металлургического горно-обогатительного холдинга, в Сибирь.

– Мне нужны документы на скульптуру, чтобы ввести её на территорию Италии, будь добр, откомандируй юриста и начальника геологоразведки – выдели им вертолет, пусть разыщут этого Антонио.

3

Легкомоторный самолет на высоте птичьего полета, если бы не назойливый, но уже давно привычный убаюкивающий гул мотора, казалось, невесомо парил над бескрайним полем кукурузы. И кто бы мог представить еще каких-то пятьдесят лет назад, что здесь, в бразильской дикой, не пригодной абсолютно для жизни человека, кампос – бразильской саванне – поселятся люди? Гигантские муравьеды, раздирающие своими стальными и длинными, как у сибирских медведей, когтями прочные, словно кирпичи, термитники, доисторические, ровесники динозавров, массивные и никого, кроме пятнистых ягуаров, не боящиеся, броненосцы, сами гигантские кошки, охотящиеся на любого движущегося обитателя этих неведомых мест, – все эти звери, не боясь, с удивлением смотрели на странных двуногих существ, мужские особи которых были в рубашках и с большими, не знающими ни бритв, ни ножниц бородами, а женские особи были все, как на подбор, в светлых двойных платках и длинных цветастых сарафанах до пят. И ребятня голубоглазая, белобрысая, со светлой, необычной для этих мест, кожей, любознательная, готовая сунуть палец и свой любопытный нос и в термитник, и даже в пасть дикой кошке.

Пилот самолета, в котором трудно было сейчас узнать одного из тех голубоглазых мальчишек, легко тряхнул головой, словно отгоняя воспоминания своего далекого детства, зорко, хозяйским глазом, оценил работу зеленых комбайнов, которые, словно гигантские газонокосилки, используя джи пи эс – спутниковый навигатор, ровными рядами скашивали желтое поле созревшей кукурузы.

«Молодцы сыны, Слава тебе, Господи, заматерели уже – и себя прокормят, и свои семейства, и нас с матерью тоже», – подумал невольно пилот, чуть повернул штурвал – самолет послушно пошел на плавный разворот, пролетая над гречишным полем, к которому примыкало поле с соей, а за ним, в небольшой влажной низине, созревал рис...

«Да и старшие внуки уже туда же – трудятся наравне, и все благодаря тебе, Господи!» – пилот придержал штурвал культей левой руки – кисть была ампутирована уже как лет десять назад, а правой неспешно перекрестился, прикладывая два пальца ко лбу, животу и плечам.

«Какой простор – десятки тысяч гектаров пахотной земли, а начинали, страшно сейчас подумать – буквально с нескольких соток. Землицы хватало лишь под огород, чтоб только с голоду не подохнуть», – думал бородатый пилот. И ведь все это собиралось по крупичкам, покупалось маленькими клочками на оторванные от семьи, от детей деньги. И какой дух нужно было иметь, чтобы трижды начинать свою жизнь с нуля: сначала там, в Сибири, в верховьях Большой реки, потом в Китае, под Харбином – так уж случилось, что застряли там на целых три десятилетия – всё ближе к дому, и все надеялись, что вернется жизнь на круги своя – ну, не может же бес победить навечно! А бесовская красная власть и в Китай пришла, и пришлось его родичам переселяться уже сюда, в Бразилию, как и задумывалось его старшими родичами первоначально, – пилот вспомнил своего деда Савватия, его братьев: Корнилу, Онуфрия, Ермила и Макария. – Перекрестился.

Задумавшись, пилот непроизвольно чуть потянул штурвал на себя, легкий самолет послушно и плавно, словно пушинка, стал набирать высоту. Бородатый человек привычно всматривался в синеющую легкой дымкой на далеком горизонте Амазонскую сельву, гигантскую, сопоставимую лишь с сибирской тайгой фабрику по производству кислорода, необходимого для всего живого на Земле, и вспоминал, как еще ребенком открывал для себя этот новый и опасный мир тропического леса, огромной своенравной реки, разрезавшей южный континент с запада на восток. Кайманы, анаконды, пираньи, выдры, изумительной красоты птицы: от колибри до попугаев ара, ядовитые насекомые, змеи, лягушки, муравьи... И, конечно же, царствующие кошки – ягуары! Все это было после скромной природы Северного Китая так колоритно и необычно, словно и не на одной планете это чудо сотворилось.

Спohватившись, пилот плавно развернул самолет, и уже перед ним до самого горизонта, где проходит граница с Аргентиной, распростёрлась совсем другая картина – кампос – бразильская саванна. Другая, но не менее удивительная. . .

Пилот вдруг вспомнил, как был в детстве поражен ночной картиной, когда каждый термитник, словно отдельная галактика в черном космосе, вдруг засиял бесчисленным количеством звезд. И это было так удивительно – космос на земле, пока он не узнал, что мерцающие призывно зеленоватые огоньки были всего лишь ловушками для вылетевших из гнезд миллиардов самок и самцов термитов и муравьев в поисках новых мест для колоний, ловушки, которые устраивали личинки жуков-щелкунов, которые мощными челюстями хватили обманутую добычу и пожирали её, чтобы стать взрослыми жуками.

Бородатый пилот вдруг вспомнил агитаторов в близлежащем городке, которые раздавали листовки и рассказывали, что в России все поменялось и теперь Родина призывает своих сыновей вернуться домой: им выдадут и пособие, и землю для занятия сельским хозяйством, и помогут оформить документы.

«Не окажется ли это приглашение такой же ловушкой, как те светлячки, что призывно светят в бразильской ночи?» – подумал пилот, но выбросить мысль посетить, хотя бы с разведкой, оставленную когда-то его дедами Русскую землю, он уже не мог. Тянула его Русская земляшка, как магнит тянет металл, к себе, видимо, на генном уровне, потому что он Русскую земляшку никогда и не видел – родился под Харбином, вырос и всю жизнь прожил здесь, в бразильском кампосе, здесь уже схоронены деда, здесь уже народились и дети, и внуки. А все равно тянет туды, где брат деда Савватия, Онисим, остался с семейством.

«И все-таки странное существо – человек! Вроде бы сотворен Богом, но, видимо, согрешили шибко наши пращуры Адам и Ева и вместо того, чтобы исполнять Божьи заветы – довольствуйся меньшим, а если Бог пошлет сверх, то радуйся, но все-равно знай меру и благодари за это Господа! – а человек никак не может остановиться, успокоиться. Всё ему мало, еще чего-то хочется?!» – размышлял бородатый пилот. – «Вот даже меня возьми – все Бог дал: и дом, и семью, и землю, и даже этот самолет – живи, Богу молись и радуйся! Ан нет: то туды тянет, то сюды!» – думал, словно оправдываясь перед самим собой и Господом, бородатый пилот. Но поделаться с собой уже ничего не мог – потому что решение ехать в Россию, в верховья Большой реки, он уже принял. Правда, пока только на разведку. Оставалось поставить в известность свою Евдокию – она тоже полетит с ним, младшего, десятилетнего, сына, названного по святым, но совпавшего с именем деда – Савватия, которого он решил тоже взять с собой, ну и старших своих сыновей, их жен, внуков, которые остаются здесь.

Самолет плавно начал снижаться, мягко коснулся утрамбованной, выровненной по нивелиру, почвы посадочной полосы, сбросив скорость, подкатил к большому навесу, под которым хватало места не только для самолета, но и для нескольких единиц сельхозтехники. Правда, сейчас под навесом стоял только один серебристый пикап – сельхозтехника разъехалась по своим работам.

Бородатый пилот вылез из кабины самолета, спустился на землю по небольшой лесенке, подошел к автомобилю. Пикап ему нравился: надежный, практичный и вместе с тем комфортабельный. Но суть была в не любовании, а в том, продавать его или нет – ведь простаивать будет, пока хозяин в отъезде.

«А вдруг поездка затянется?» – и легкий холодок, несмотря на жаркий тропический день, пробежал по его спине.

4

Майор Блинов, одетый в штатскую свою повседневную одежду: темно-синий костюм, белую рубашку без галстука, привычно раскрыл служебное удостоверение при входе в Главное областное управление МВД, дежурный сержант, экипированный в легкий бронежилет и с короткоствольным штурмовым автоматом на ремне, висящим на уровне солнечного сплетения, взглянул на удостоверение, несмотря на то что Блинов за полгода после перевода из районного УВД уже, что называется, примелькался, и вежливо показал пройти через рамку металлоискателя. Рамка металлоискателя ожидаемо засигналила, майор Блинов выложил на стол мобильный телефон, связку ключей, мелочь из кармана брюк, попытался опять пройти через рамку. И она опять засигналила. Дежурный сержант произвольно немного напрягся:

– Товарищ майор, еще раз, пожалуйста.

Блинов, вспомнив, улыбнулся, мотнул головой, вытащил из оперативной кобуры – из-под мышки, пистолет, запасную заряженную обойму к нему, положил этот металл на стол, прошел через рамку металлоискателя.

– Так привык уже к нему, что не замечаю, – сказал, улыбаясь, майор Блинов. – Вот только кто бы еще деньги на пиджаки выдавал – рвет, но друг надежный – приходится терпеть.

Сержант понимающе улыбнулся.

У дежурной части по привычке, выработанной за многие годы службы в уголовном розыске, майор Блинов остановился:

– Здравия желаю, есть для меня что-нибудь?!

– Майор, это тебе не на «земле» служить – это область, – улыбаясь, ответил дежурный подполковник Федоров.

– Понял. Ну тогда хоть суточный рапорт дайте?

– Рапорт дадим – читай на здоровье.

По широкой сталинской лестнице – здание было построено еще в начале пятидесятых годов прошлого века, майор Блинов поднялся на третий этаж и пошел по длинному коридору к своему кабинету. Даже сейчас, в утренние часы, коридор был пустынен и тих, а длинная красная ковровая дорожка скрадывала одинокие шаги. Эта тишина, конечно, настраивала на серьезную аналитическую и руководящую работу, но по-прежнему была непривычна оперу с территориальной зоны, которым майор Блинов оставался еще в душе и которым еще был по своим служебным привычкам – ему было проще самому что-то сделать, чем поручать другим операм, а потом выслушивать или читать их отчеты.

В кабинете тоже, естественно, стояла тишина – сосед по кабинету был в командировке – проверял оперативную работу в отдаленном северном районе. Майор Блинов положил суточный рапорт на стол, включил чайник и, дождавшись, пока вода в нем закипит, заварил в чашке пакетик черного цейлонского чая. Бросив в чашку пару кусочков сахара, сел за свой рабочий стол и начал читать суточный рапорт, прихлебывая горячий сладкий чай.

В суточном рапорте все было как обычно: убийства, грабежи, кражи и другие серьезные происшествия, произошедшие на территории области за истекшие сутки. Нераскрытых убийств, которыми непосредственно занимался майор Блинов, не было, и он, несмотря на то что ночью вроде бы хорошо выспался, зевнул:

«Вот жизнь – синекура сплошная, но почему она меня не радует?» – подумал майор Блинов, и в это время зазвонил мобильный телефон.

Он взглянул на экран мобильного – на нем высветился незнакомый номер.

«Кто бы это мог быть прямо с утра?» – подумал Блинов, коснулся пальцем экрана и поднес телефон к уху:

– Слушаю.

– Доброе утро, а можно пригласить старшего уполномоченного уголовного розыска майора Блинова?

– Слушаю вас внимательно, – повторил Блинов.

– Вас беспокоит начальник геологоразведки горно-металлургического холдинга. Меня зовут Виктор Комаров. Нам рекомендовали обратиться лично к вам – у нас есть информация, которая может вас заинтересовать.

– Кто рекомендовал?

– Знающие люди характеризуют вас как непредвзятого и честного офицера.

– Ерунда, таких сотрудников много... Если не хотите, чтобы я отключил телефон, говорите по существу.

– По существу я вам сейчас сброшу несколько фотографий и перезвоню. – Абонент отключился.

Через несколько секунд на мобильный Блинова пришли файлы с фотографиями. На них крупным планом был изображен труп человека с разmozжённой головой. Большой белый камень лежал поверх головы погибшего. Было несколько снимков и общего плана, в который попал и склон горы, и большой белый камень с отбитыми краями, отдаленно напоминающий человеческую фигуру, и ружье, прислоненное к стволу ели, росшей поблизости, и старый рюкзак, лежащий рядом с этим ружьем, и инструменты: кувалда, молоток, зубило и еще незнакомые майору Блинову металлические предметы, предназначенные, очевидно, для обработки камня, которые были разбросаны вокруг белого камня, напоминающего человеческую фигуру.

Зазвонил телефон.

– Слушаю, – ответил Блинов.

– Фото получили?

– Получил. А я здесь при чем – вызывайте местного участкового, дежурного опера...

– Не хотят ехать – явного криминала нет. И транспорта сейчас у них подходящего нет.

– А что, это так далеко?

– На Диком ааржане.

– Ну, может, родственники есть – помогут?

– Родственников у него здесь нет – в Москве мать у него да бабушка.

– Так вы его знаете, что ли?

– Да. Он скульптор. Его звать Антонио... Вернее, звали.

– Так, – задумчиво произнес Блинов. – А ваш-то какой интерес заниматься этим? Скорее всего, это несчастный случай...

– Интересы никакого нет – просто жалко парня – талантливый скульптор был... А насчет несчастного случая... Я всю жизнь только и занимаюсь геологией, камнями там разными и, уж поверьте, знаю, как камни падают с гор. Знаю, какой должен быть уклон у горы, чтобы камень мог сорваться и упасть так, чтобы убить человека.

– И что вы хотите от меня?

– Чтобы вы занялись этим делом, полетели на место происшествия, осмотрели все как следует... Мы готовы предоставить вам вертолет и другую помощь, в том числе материальную...

– Деньги меня не интересуют, – отрубил Блинов, – я на государственной службе! Да и ваши аргументы не слишком убедительны.

Начальник геологоразведки некоторое время молчал – Блинов уже подумал, что тот отключился.

– Есть еще одна информация – не знаем, связана она с гибелью Антонио или нет, – наконец произнес начальник геологоразведки. – Примерно в это время там, на Диком ааржане, побывал Торба. Слышали про такого?

Теперь замолчал Блинов – Торба и его бригада уже давно были знакомы старшему оперуполномоченному уголовного розыска майору Блинову. Но подступиться к ним было не так просто, даже легально работая по убийству каталы – картежного игрока Андрея, друга и сослуживца по погранвойскам Вовки Петрова из деревни Таёжной.

«С этого нужно было и начинать», – подумал Блинов и произнес в трубку:

– Готовьте вертолет! Через час вылетаем!

Отключив телефон, Блинов встал из-за стола, подошел к огромному, в человеческий рост, металлическому сейфу, открыл его, разыскал оперативное дело, заведенное на Торбу еще несколько лет назад, но до сих пор еще незакрытое.

«Заодно и продлю еще на очередной срок», – подумал он.

Сев за стол, он выписал постановление о продлении дела, написал подробное сообщение об открывшихся новых обстоятельствах и рапорт с просьбой командировать его в Дикий ааржан сроком на три дня с выдачей легкого бронежилета и короткоствольного штурмового автомата.

Перечитав бумаги, он порвал рапорт, написал новый, в котором не стал просить разрешения на выдачу автомата, ограничиваясь только легким бронежилетом. Кроме табельного пистолета он решил, что его охотничий карабин с оптическим прицелом будет более необходим в таежных условиях, чем короткоствольный автомат. С этими бумагами он пошел к начальнику управления уголовного розыска, который, выслушав подробный доклад и полистав дело, бумаги подписал, но на словах добавил:

– Человек серьезный, со связями. Как говорят: «Не уверен – не обгоняй!» Поэтому никакой никому лишней и, самое главное, преждевременной информации, понял?

– Конечно, я же опер, – улыбнулся майор Блинов.

– И еще, статистику не порти, если нет доказательной базы, «висяка» не делай – уголовное дело не требуй возбуждать. Поэтому никакой прокуратуры там не должно быть. Только оперативные мероприятия и доследственная проверка.

– Понял, но протокол осмотра места происшествия сделаем с понятными, как положено, и эксперта-криминалиста из района вызовем, и рапорт заставим написать участкового и местного опера, и опросим свидетелей, если таких найдем...

– Да, но только в рамках доследственной проверки, понял? – Начальник управления уголовного розыска повысил голос.

– Есть, товарищ полковник!

– Иди, опер, – смягчил тон начальник. Он сам много лет отпахал оперативным уполномоченным и все понимал, но должность и требования руководства вынуждали его быть порой суровым и неуступчивым по отношению к своим подчиненным.

Получив бронежилет и командировочное удостоверение, майор Блинов на своей личной праворукой «тойоте» заехал домой, переделся в охотничью экипировку, надев на футболку под легкую непромокаемую куртку типа штормовки бронежилет и оперативную кобуру с пистолетом, таежные, с высокой голяшкой, кожаные и практически непромокаемые, что-то среднее между броднями и берцами, башмаки, взял шляпу с москитной сеткой, фляжку с водой, охотничий нож, бинокль и карабин, в рюкзак положил небольшой топор, литровый котелок, спички, зажигалку, банку тушенки, по пачке сухарей и макарон, чая, сахара и соли и в этом камуфляжном обмундировании с рюкзаком за спиной и с зачехленным карабином в руке прибыл в офис представительства горно-металлургического комбината.

Его уже ждали. Охрана запустила его скромный, ничем не выделяющийся авто на стоянку, а его сопроводили в переговорную, куда заглянула молодая симпатичная секретарша в строгом деловом костюме:

– Вам чай, кофе или просто воды? – улыбнувшись, спросила она.

«Вертолет, пожалуйста», – хотел пошутить Блинов, но сдержался.

– Спасибо, ничего не надо – я из дома.

Через минуту в переговорную зашли два человека. Тот, который был постарше, представился:

– Начальник геологоразведки Комаров Виктор. Это я вам звонил. А это наш юрист. Он тоже с нами полетит. И еще два охранника. Мало ли что?

– Что? – улыбнулся майор Блинов.

Начальник геологоразведки окинул взглядом одетого, как опытный охотник, сотрудника МВД: камуфляж, удобная обувь, шляпа с москитной сеткой, рассмотрел висящий на ремне нож в ножнах, фляжку, нагруженный рюкзак, зачехленный карабин, удовлетворенно улыбнулся:

– Да, подготовились вы профессионально!

– Ничего я не готовился, – улыбнулся майор Блинов. – Просто я бывший охотник.

– Почему бывший? – улыбнулся начальник геологоразведки. Этот опер ему явно нравился.

– Да потому что до службы в розыске охотился, сам я из деревни, а у нас там и рыбалка, и охота. Почти круглый год. А сейчас разве что в отпуске могу себе позволить, – сказал Блинов.

– Да, работа у всех у нас слишком много времени отнимает, – посочувствовал начальник геологоразведки. – Но охранников все-таки с собой возьмем. Это требование генерального директора.

– Не буду спорить. Главное, побольше топлива залейте в баки вертолета. Сейчас мы летим сразу на место происшествия, на Дикий ааржан, потом нужно будет оперативную группу из райцентра забрать, затем их назад доставить, а там, возможно, нужно будет покружить над местностью – вдруг что интересного увидим, ну и назад, чтобы хватило. На все про все у меня три дня, – сказал майор Блинов.

– Понятно, – кивнув, сказал начальник геологоразведки.

Про чудодейственный Дикий ааржан Блинов слышал еще в детстве от родителей. Но до сих пор побывать здесь так и не удавалось. И первое впечатление от этого знаменитого на всю округу места было не очень впечатляющим: скудная растительность, покосившиеся от времени и непогоды деревянные срубы, из-под которых текли подозрительно желтоватого цвета ручейки, старые строения гостевого дома и бани. На всем был налет запустения и угасания. Но настроение его сразу же изменилось, когда Блинов оказался на краю ровной площадки, откуда начинался спуск к радоновым ваннам и Белой горе. Необозримая даль, словно с высоты полета беркута, раскинулась перед ним: и величавые одинокие ели, и удивительной округлой формы Белая гора, с растущей редколесной тайгой и поросший травой да колючим кустарником – карагатником, плавный спуск в широкую долину, тянущуюся до самой монгольской границы, и дальше – до горизонта, – поражали своим масштабом, природной девственностью и первозданной красотой. И созерцать это было удивительно не через небольшой иллюминатор вертолета, а воочию. И хотелось оттолкнуться от земли и полететь над этим удивительным миром. Хотелось стать тем беркутом, который, раскинув мощные крылья, парит в высоком голубом июньском небе, зорким взором высматривая зазевавшуюся добычу.

И майор Блинов прочувствовал – почему скульптор Антонио задержался в этом месте на десяток лет. И дело было не только в Белой горе, состоящей из мрамора. Он шел по тропе, идущей мимо радоновых ванн к Белой горе, следом за начальником геологоразведки, взглядом фиксировал окружающую обстановку, и один вопрос все настойчивее крутился у него в голове:

«Почему в самый сезон, в таком чудодейственном месте, нет ни одного, кроме них, живого человека? Ни людей, ни машин. Одни старые, брошенные за ненадобностью, костыли, трости, клюки, носилки... А где люди? Болеть перестали? Или есть какая-то причина? Обнаруженный труп? Но он далеко от дома, от лечебных источников».

Увидев всю картину трагического происшествия своими глазами и бегло осмотрев окружающую обстановку, сказал:

– Здесь никто не толкался?

– Только я подходил близко, – сказал начальник геологоразведки. – Убедился, что Антонио мертв, и фотографии сделал.

– Так, а натоптано так, как будто здесь выставка какая проходила, – сказал задумчиво Блинов. – А вообще, куда народ весь подевался?

– Какой народ? – Начальник геологоразведки наклонился, пытаясь рассмотреть следы на месте происшествия.

– Ну, больные, персонал?

– Персоналом здесь был лишь Антонио. И то на добровольных началах. А больные разбежались – трудно пережить весь этот ужас.

– Какой ужас? Отсюда до источников полчаса ходьбы.

– Нет, дело не в Антонио, вернее, не в его трупѣ.

– А в ком?

Начальник геологоразведки оглянулся на юриста, на охранника, которые сопровождали их, понизив голос, сказал:

– В Духе этой горы.

– Какой дух? – улыбнулся Блинов.

– Дух Белой горы. Он не разрешает без спроса находиться здесь, а тем более брать что-нибудь с этой горы: хоть камешек какой, хоть кедровую шишку или ягоду. Обязательно накажет, – сказал начальник геологоразведки.

– Как накажет? Кто вам все это внушил? – спросил Блинов.

– Пошлет несчастье. А рассказали мне местные, которые приехали было сюда.

– И где они сейчас?

– Уехали. Да и кто такое выдержит, когда всю ночь напролет такие вопли раздаются?!

– Откуда?!

– С вершины Белой горы! Да на разные голоса: и плач, и молитвы, и стенания, и проклятья! Жутко слушать такое!

Майор Блинов внимательно посмотрел на начальника геологоразведки:

– Виктор, вы успокойтесь... А как же Антонио? Столько лет ходил к этой горе, отесывал камни!

– Ну его Дух Белой горы любил. Вот только защитить не смог.

Майор Блинов развернулся, еще раз посмотрел на труп и негромко произнес:

– А может, это он его?

– Нет. Склон не очень крутой, а камень почти квадратный – не мог он сам по себе сорваться, – почти шепотом произнес начальник геологоразведки.

– Виктор, вот вы уже совсем взрослый человек и многое уже, наверное, повидали в своей жизни, а верите в каких-то духов, – улыбнулся Блинов.

– А вы?

– А что я? Я вырос в тайге – мне положено верить, в том числе и в духов, – улыбнулся Блинов. – Кстати, водки случайно ни у кого нет?! – Вопрос он задал громко, чтобы услышали его и юрист, и охранник.

– Нет. Не положено, – ответил охранник.

– У меня есть спирт, а вам зачем? – сказал начальник геологоразведки.

– Давайте.

Начальник геологоразведки вытащил из внутреннего кармана плоскую металлическую фляжку, протянул сотруднику уголовного розыска.

Блинов оглянулся, выбирая место поровнее:

– Идемте. Вот здесь присаживайтесь, на этот камень, а я вот здесь. – Блинов сел прямо на землю, снял шляпу и, положив её рядом, открутил крышку фляжки и аккуратно, чтобы не перелить лишнего, наполнил крышку с обратной стороны спиртом.

– Прости за беспокойство, Дух Белой горы, прости и прими в дар. – Блинов обмакнул большой и безымянный пальцы в спирт и щелчком побрызгал спиртом в четыре стороны света. – Разрешите нам подняться на Белую гору – мы ничего плохого не замысливаем и без твоего спроса ничего не возьмем... Теперь вы.

Начальник геологоразведки взял протянутый колпачок со спиртом и проделал то же самое.

– Ну а теперь пошли, – сказал Блинов, направляясь по склону горы вверх.

– А они?

– А они пусть ждут нас здесь – это много, я думаю, времени не займет.

И, действительно, подъем до вершины Белой горы занял не много времени даже с учетом того, что поднимались они как раз над тем местом, где лежал труп погибшего, и старались это делать не спеша, выискивая место, откуда мог сорваться камень. Но такого места они обнаружить не смогли. Склон был покрыт ровным слоем мха и редкими хвойными деревьями: елями, кедрами и лиственницами. Деревья хоть и росли на большом расстоянии друг от друга, все же закрывали от взора пологую вершину. Сама Белая гора была относительно невысока – метров на двести – двести пятьдесят возвышалась над относительно ровным пологим спуском в широкую долину, но на фоне серого песчаника, из которого был сформирован весь окружающий ландшафт, словно белая ворона, выделялась и удивляла своим необычным материалом – белым мрамором, который, впрочем, со стороны не был и виден, потому что был покрыт мхом, а на более-менее ровных местах, где задерживалась влага, и брусничником.

Майор Блинов тщательно осматривал все пространство, ища хоть какую-то зацепку – оголенный от мха участок склона, от которого мог оторваться камень, убивший Антонио, но чем выше они поднимались, тем сильнее становилась уверенность в том, что здесь произошло убийство.

Несколько раз он замирал, вглядываясь в то, что даже опытный геолог, начальник геологоразведки, не замечал, рукой показывал, чтобы тот обходил то или иное место стороной, не затаптывал его. А уже почти у самой вершины, там, где был совсем пологий подъем и брусничник затянул весь склон, начальник геологоразведки увидел то, что на всем склоне замечал майор Блинов – вдавленные в брусничник следы.

– Им уже несколько дней – видите, кустики уже стали подниматься, но отломленные ветки еще не начали отрастать? – сказал Блинов.

Начальник геологоразведки внимательно рассматривал следы:

– Похожи на подростковые, размер так тридцать семь – тридцать восемь.

– Или на женские, – добавил майор Блинов. – Фиксировать не будем – на доказательства не тянут, а вот свидетелей преступления найти нужно. Только об этом, что есть свидетели, должны знать всего два человека: вы и я! Понятно, Виктор? Никому! Ни слова!

– Понял. А почему вы думаете, что было несколько свидетелей?

– Следы разного размера, да и натоптано их много. Я думаю, что у нас есть как минимум три свидетеля: две женщины, или как вариант женщина и подросток, и Дух Белой горы. – Блинов улыбнулся.

– Вы шутите? Вы же не верите в духов! – последнюю фразу начальник геологоразведки произнес шепотом.

– Еще как верю! – улыбнулся Блинов. – Если бы не он, мы бы могли и не найти эти следы... Спасибо тебе, Дух Белой горы. – И Блинов поклонился в сторону вершины.

Поднявшись на самую вершину Белой горы, майор Блинов, насколько позволяло редколесье, внимательно осмотрел окрестность в бинокль. Потом достал из внутреннего кармана

мобильный телефон, попытался позвонить в районный отдел внутренних дел. Но из этого, конечно, ничего не вышло. Начальник геологоразведки протянул ему спутниковый. На другом конце не сразу, но ответили.

– Старший оперуполномоченный управления уголовного розыска Главного управления МВД майор Блинов на связи. Готовьте опергруппу на выезд в составе: дежурного опера, участкового, эксперта-криминалиста и дознавателя, чтобы оформил протокол осмотра места происшествия. Понятые у нас есть на месте. Прокуратуру ставить в известность не надо. Будем собирать материалы для доследственной проверки. Все понятно? Через час у вас будет вертолёт... Да, прихватите мешок для транспортировки трупа, перчатки резиновые, ну и пару противоголовок.

Вернув спутниковый телефон начальнику геологоразведки, майор Блинов сказал:

– Странно как-то: кругом один песчаник – и вдруг эта мраморная гора?

– Ничего странного, – ответил начальник геологоразведки, – когда-то миллионы лет назад это было морским дном. Песчаник – это морские отложения, а под ним гранит, базальт, другие твердые породы. И мрамор – это горная порода, образовавшаяся в результате метаморфизма осадочных карбонатных пород, чаще всего известняковых или доломитовых.

– А можно по-русски? – улыбнулся Блинов.

– Короче, мрамор образовался из известняка. И это происходило в глубине земли, под огромным давлением. А потом движения тектонических плит, землетрясения выдавили его на поверхность, дожди, тающие снега сточили мягкий песчаник, который был вокруг, унесли его вниз в долину, а более твердый мрамор оказался Белой горой, – сказал начальник геологоразведки.

– А большую ценность он представляет? – спросил Блинов.

– Конечно, это не золото и не редкоземельные металлы, но в художественном смысле – не дешевле золота. Да и в отделочных работах недешево стоит. А почему вы спрашиваете об этом?

– Да так, интересно, – ответил Блинов.

Вернувшись к вертолету, они вместе с охранниками выгрузили из него съестные припасы, раскладные столы, стулья, навес от дождя и солнца, котелки, топоры, ножи и посуду.

– Ничего не забыли? – спросил майор Блинов.

– Да вроде все, – ответил один из охранников, и тогда Блинов дал команду пилотам лететь в райцентр за опергруппой.

После отлета вертолета, когда движение воздуха от мощных лопастей улеглось, а вместо рева двигателя в ушах зазвенела вековая тишина, майор Блинов сказал начальнику геологоразведки и юристу:

– Они пусть займутся лагерем, готовкой обеда. – Он кивнул в сторону охранников. – А мы продолжим осмотр территории, помещений и личных вещей Антонио, если таковые имеются.

Низкое облачко пыли еще некоторое время держалось в воздухе в том месте, где взлетала винтокрылая птица, но и оно вскоре осело или было унесено легким порывом ветерка. И уже ничто не напоминало о ней, о той мудреной птице. И лишь люди, которые сейчас копошились вокруг сгруженных вещей, да покосившиеся срубы напоминали о человеческой цивилизации, которую и саму, придет время, словно сдувший пыль ветерок, унесет в прошлое этот могучий, выживший не в одном катаклизме мир природы. Живой и гармоничный мир природы, переживший и динозавров, и, скорее всего, не одну разумную расу, и здесь, на Земле, и, возможно, даже в далеком космосе.

Осмотр территории ничего не дал, тогда майор Блинов приступил к осмотру жилого сруба. Там тоже ничего интересного обнаружено не было. Ну, разве только письмо в открытом потрепанном конверте, которое лежало на столе.

Майор Блинов аккуратно за края взял конверт, прочитал:

«РФ, Абакан. Антону».

Написано это было красивым девичьим почерком. Фамилия получателя не была указана, потому как и адреса точного не было. И уж если суждено было этому письму дойти до адресата, то оно и так дойдет...

Кто-то пошутил, дописав своей рукой: «Любимому».

Так и получилось: «РФ, Абакан, Любимому Антону».

– На деревню, дедушке, – усмехнулся майор Блинов. – А ведь дошло! – Старший опер перевернул конверт, изучил почтовый штемпель. Датировано письмо было абаканским главпочтамтом почти пять лет назад.

– Интересно... – Блинов вытащил из конверта читанное-перечитанное уже много раз многими людьми письмо и начал читать:

«Здравствуй, дорогой Антонио!

Пишет тебе Алла. Не удивляйся и сильно не гневись. Все произошло так стремительно, так быстро, что некоторые героини из этой драмы до сих пор не могут прийти в себя, осмыслить твой поступок и понять тебя!

Но все по порядку.

Так случилось, что я случайно познакомилась с твоей бабушкой – она сидела на скамейке у вашего подъезда, когда я проходила мимо. Мы с ней обменялись телефонами. Твоя бабушка стала приглашать меня в гости. Она оказалась очень интересным и добрым человеком. Мы с ней подружились.

Твоя мама все так же много работает, но и с ней мы тоже подружились. Не знаю почему, но они обе так добры ко мне.

Мы обсуждаем, что произошло, почему ты, Антонио, купил билет на первый попавшийся рейс и покинул нас?

Я понимаю тебя: тяжкое это бремя – безответная любовь!

Понимаю и не осуждаю!

Бабушка это тоже понимает, но больно уж кручинится – ты для нее „ВСЁ“ на этом белом свете! И не только для нее... Но и для твоей мамы, и для...

Прости, Антонио!

Да, кстати, моя мама до сих пор вспоминает твои прекрасные лилии. Спрашивает, когда наконец я её познакомлю с тобой.

Твоя бабушка от переживаний стала чаще болеть, на улицу погулять выходит только с моей помощью.

Возвращайся, Антонио! Мы любим тебя и ждем!..

Да, ты, наверное, хочешь узнать о „главной“ героине этой драмы?

Аня вышла замуж за того незрелого художника, родила от него дочку, а потом тот нашел другую молодую дуру и бросил Анечку... Так что она сейчас свободна.

Бабушка говорит, что она тебе не нужна. Но ты сам взрослый человек и будешь решать только ты!

Главное, возвращайся!

И напоследок, бабушка попросила написать тебе эти строчки Лермонтова:

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душой.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы

Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнеей.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?..

И подпись: Алла. Критик и искусствовед (пишу диссертацию по творчеству Микеланджело)».

Прочитав письмо, майор положил его на стол, сфотографировал на мобильный телефон, сделал крупным планом фото конверта, чтобы были видны почтовые штемпеля, вложил письмо в конверт.

– Не забыть бы приобщить к делу, но сначала пусть криминалист пальчики посмотрит, а фото я для себя сделал, так сказать, для памяти, – сказал майор Блинов. – Фотографии для дела будет снимать криминалист – у него должна быть хорошая профессиональная камера. Ну, давайте посмотрим, что еще здесь есть интересного.

Других вещей Антона или чьих-либо еще, кроме посуды на кухне, в доме не оказалось.

– Странно, не может же жить годами здесь человек и никаких вещей не иметь? – сказал майор Блинов.

– У него были какие-то, была одежда. И для переодевания, и зимняя, и даже книжку я видел на его кровати, – сказал начальник геологоразведки.

– А на какой кровати он спал? – спросил Блинов.

– Вот на этой.

Старший опер сдернул с кровати одеяло с простыней, перевернул подушку, приподнял матрац и, ничего не обнаружив, застелил постель как было.

– А мог он куда-то съехать отсюда?

– А куда тут съедешь? Разве что в баню.

Майор Блинов на всякий случай заглянул под все кровати, так же перетряс их и застелил заново.

– Ну, пойдём в баню – посмотрим, что там есть, – сказал он.

Вещи Антона действительно оказались в бане. Блинов перетряхнул постель – брошенный на две составленные лавки старый матрац, подушку одеяло, потом внимательно осмотрел, ощупал, проверил карманы зимней куртки, теплых непромокаемых зимних штанов, старых джинсов, рубашек, перевернул стоящие в углу предбанника валенки, резиновые сапоги, потом взял большой брезентовый мешок с мелкими вещами и вывалил его содержимое на одеяло.

Начальник геологоразведки и юрист стояли рядом, наблюдая, как старший опер разбирает старое, но постиранное белье, выцветшие рубахи, футболки, шерстяные свитера, старый, еще кнопочный, мобильный телефон, зарядное устройство к нему, фонарик, батарейки, обнаружилась даже книжка, которая, очевидно, когда-то лежала на кровати Антона, и прочая многочисленная мелочевка, которую неизбежно человек накапливает за свое, даже такое аскетическое, существование.

– Да ничего интересного для дела, – произнес майор Блинов, складывая назад в брезентовый мешок вываленные вещи. – Разве что телефон подзарядить да в нем покопаться. Но не

уверен, что он им пользовался последние несколько лет. А вот для связи с родственниками вполне сгодится, – сказал старший опер.

– А что вы, собственно, ищете, товарищ майор? – спросил начальник геологоразведки.

– Если бы я сам знал! – улыбнулся Блинов. – Зацепки какие-нибудь! А какие – я и сам не знаю.

Начальник геологоразведки помолчал, взглянул на юриста.

– У Антона должны быть деньги, – сказал начальник геологоразведки.

– Откуда? – спросил старший опер.

– Дело в том, что я купил у него статую – он вырубил её из мрамора, – сказал начальник геологоразведки.

– Так. С этого нужно было и начинать! За сколько вы купили? Для какой цели? Рассказывайте.

– Десять тысяч долларов, пачка стодолларовыми купюрами. Подарок хотел сделать на день рождения нашему самому главному боссу – он любит искусство.

– Ого! Хороший подарок! – присвистнул майор Блинов.

– От коллектива хотел геологоразведки – деньги потом бы собрал с сотрудников... А подарок действительно хороший – очень талантливый скульптор Антонио... был, – сказал начальник геологоразведки.

– Так, а где деньги? Мог он их куда-то спрятать? – задал вопрос, адресованный больше самому себе, старший опер.

– А куда тут спрячешь? Не в дупло же – там мыши, белки – погрызут – это же все-таки бумага. Хоть и дорогая очень. Но белкам-то на это что?! – произнес начальник геологоразведки. – При нас, я видел, что он сунул пачку в карман, когда мы улетали.

Майор Блинов помолчал, осмысливая услышанное, потом сказал:

– Ну вот, возможно, что нашли зацепку, надо еще раз внимательно осмотреть одежду на погибшем – в рюкзаке, кроме инструмента да перекуса, ничего не было, – сказал Блинов. – Но про эту зацепку местным операм рассказывать не надо, а то займутся поисками денег, а не... – Он сделал паузу. – А не происшествием с Антоном.

Старший опер зашел в парилку, внимательно её осмотрел, пристально, подсвечивая фонариком мобильного телефона, осмотрел полки, половые доски, щели между ними. Ничего похожего на кровь не обнаружил.

– Ну на этом пока все. Про доллары пока никому не рассказывайте, в том числе районным операм и участковому, – повторился Блинов. – Я сам все задокументирую, – сказал он. – И вообще, будьте поосторожней: никакой утечки информации!

– А шефу доложить можно? – спросил начальник геологоразведки.

– Только самому главному, – улыбнулся Блинов. – Вас это тоже касается, – уже строго сказал старший опер юристу... И еще вопрос: «Кто-то был здесь, когда вы прилетели сюда и обнаружили погибшего скульптора?»

Начальник геологоразведки переглянулся с юристом:

– Да, конечно. Было две машины: одна вроде с местными номерами, а вторая – с городскими, но они после бессонной ночи – Дух Белой горы не дал поспать – всю ночь завывал! – поспешно собрались и уехали.

– А не мог кто-нибудь из них прихватить доллары Антона? Вот вам и аргумент, из-за которого не нужно местным операм про это рассказывать. Начнут не тем заниматься, – как для школьников, повторил старший опер. – Ну все, пора перекусить, пока опергруппа не прилетела.

Юрист вышел первым из бани. Задержавшийся в предбаннике начальник геологоразведки участливо спросил:

– Вы что, совсем никому не доверяете? Даже своим?

– Время сейчас такое – все помешались на деньгах.

- Не все. Вон тот же Антон – не хотел брать деньги – для него главное – любовь, искусство... Да и для вас деньги тоже не главное. Поэтому к вам и обратились.
 - И предложили деньги, – улыбнулся майор Блинов.
 - На карманные расходы.
 - А кто рекомендовал-то?
 - Не знаю. Информация мне пришла сверху.
- Старший опер недоверчиво улыбнулся, спросил:
- Виктор, а вам-то это зачем надо? Вы же геолог – не ваш это профиль совсем.
 - Ну может, кто-то и мне тоже доверяет, – улыбнулся начальник геологоразведки. – И потом, жалко этого Антонио. Такой талант человеческая культура потеряла.

5

Торба был в бешенстве.

– Где?! Куда они исчезли?! Я вас спрашиваю?! Вы хоть понимаете, какое мы бабло вложили в это дело?! Вы что думаете, я только одни шкуры медвежьи в Москву увез?! – орал он.

Перед ним, вытянувшись чуть ли не по стойке «смирно», стояли Бритый и Кабан.

– А-а-а! Что с вас взять! Где Вован Костолом?! Он тоже куда-то исчез?! Бритый, я же просил тебя доставить его ко мне. Не хочет полюбовно, с Катей, приставь ему «ствол» к затылку – тащи сюда! Но только чтобы был живой. Он нужен мне живой! Ты понял?!

– Понял, – выдавил Вася Бритый.

Торба встал с кресла, взял пистолет со стола, сунул его в кобуру под мышкой, открыл сейф, пересчитал оставшиеся в нем пачки долларов, зачем-то достал из сейфа огромный, словно у священнослужителя, золотой с красными рубинами крест на толстой золотой цепи, надел его на шею. Потом подошел к шкафу-серванту, где был бар, открыл дверцу, плеснул в широкий стакан из толстого стекла желтый виски.

– Вискаря хотите? – немного успокоившись, спросил Торба.

– Угу, – издал звук Кабан.

Торба поставил на совещательный столик, приставленный к его огромному столу, два стакана, початую бутылку виски.

– Наливайте сами вискаря. – И прошел на свое место.

Упав в свое роскошное кожаное кресло, окончательно успокоился и стал смотреть на Бритого и Кабана, как они наполняют стаканы.

– Да присаживайтесь, господа, – усмехнулся Торба – он понимал, что эти, как он выразился, «господа» не могут прыгнуть выше своей головы. А потому орать на них в таких случаях бесполезно. Поэтому и нужен был ему Вован, который не только умеет хорошо кости ломать, но и хорошо соображать умеет, думать на опережение может! Только Вовану нужно больше денег предложить или еще чем-то заинтересовать, например, взять в долю или вообще его выделить в отдельную, так сказать, фирму, но под его, Торбы, крышей. Чтобы часть прибылей он ему отстегивал. Вован, он честный и, несмотря на те «недоразумения», на те «тёрки», Торба предьяву ему не предьявлял, другое дело – его отец, Лукич, который из карабина изрешетил его джип!.. А ему, Вовану, Торба по-прежнему доверял и хотел заполучить его.

– Так куда исчезли китайцы? – выждав, пока Бритый и Кабан отхлебнут из стаканов вискаря, спросил Торба.

– На телефоны не отвечают, по электронной почте – тоже тишина, на лесозаготовках не появляются. Как сквозь землю провалились, – сказал Вася Бритый.

– Да знаю, сам звонил. Вы мне ответьте – почему они исчезли? Может, кто пуганул их? – Торба пристально посмотрел на Бритого, потом на Кабана.

– Нет, Иван Геннадьевич. Все было, как обычно – никаких разборок, – сказал Бритый.

– Нет, все было ништяк, – сказал Кабан.

Торба сделал пару глотков виски, поставил стакан на лакированную поверхность итальянского стола, открыл сейф, достал оттуда пачку долларов, немного подумав, снял с себя золотой крест и положил его в сейф.

– Значит так, сегодня же едете в Китай, ищите наших партнеров, спокойно выясняете, что не так. Сообщаете мне...

В это время зазвонил внутренний телефон. Торба снял трубку.

– Да, Люся, заходите, – сказал он секретарше.

В кабинет вошла элегантная, ухоженная молодая женщина в вызывающе бирюзовом, но строгом деловом костюме: юбка до колен, жакет плотно облегал и подчеркивал достоинства фигуры, но без кокетливого выреза на груди, туфли на высоком каблуке под цвет костюма.

Торба взглянул оценивающе на нее, потом перевел взгляд на Бритого и Кабана. Ему стало ясно, что без спонсорской помощи Васи Бритого Люся не обошлась. Но это была не новость для Торбы – Вася Бритый особо и не скрывал, что ухлестывает за секретаршей, а вот с какой похотливой улыбкой взглянул на нее Кабан – была новость. И довольно неприятная.

«Не сцепились бы из-за бабы», – подумал Торба.

– Люся, слушаю, – сказал Торба.

– Иван Геннадьевич, извините, что прервала совещание, но есть новость, которая может вас заинтересовать, – сказала секретарь.

– Говори.

– В Китайской Народной Республике арестовано несколько десятков чиновников и бизнесменов. Им вменялось получение взяток, ну и, соответственно, дача взяток в особо крупных размерах. Суд вынес им суровый приговор – смертную казнь. И вчера этот приговор был приведен в исполнение.

– Откуда информация? – спросил Торба.

– Из Интернета. Наберите в поисковой системе «Яндекс» «новости» – сами можете убедиться.

Торба включил ноутбук, лежащий на его столе, нажал на ярлычок «Яндекс», прочитал новости, пришедшие из Китая.

– Фамилий нет, названий компаний тоже, но все может быть, – сказал Торба. Потом добавил: – Спасибо, Люся.

– Пожалуйста, Иван Геннадьевич.

Секретарь хотела было направиться на выход из кабинета, но Торба остановил её.

– Люся, а не хотела ли ты стать моим новым заместителем?

Секретарь заулыбалась:

– У вас уже есть заместители... Ну, разве что заместителем Василия Петровича.

– А кто это? – спросил Торба.

– Ну как кто, – улыбаясь, произнесла секретарь. – Ваш зам – Вася Бритый.

Торбе такой расклад явно не понравился, и он сказал:

– Спасибо, Люся. Насчет заместителя я пошутил, но премию, если информация подтвердится, вы заработали.

– Значит так, – сказал Торба. – Вован пока подождет, ты, Бритый, едешь в Китай, возьми с собой Хука. Аккуратно выясняете, что случилось с нашими партнерами. Мне докладывать каждые три часа. Если Люся информация подтверждается, приглядишься к другим фирмам, предпринимателям. Особенно к тем, кто может и хочет работать за наличку и у кого есть выход на крупные строительные компании типа «Метростроя» или на те, кто клепает небоскребы. Но сам никаких решений не принимай. С тебя только информация. А потом будем думать. Понял?

– Понял, – кивнул Бритый.

Торба протянул Бритому пачку долларов.

– Да, деньги считайте! Никаких казино или борделей – все будет, когда дело замутим!

– Да какие казино, какие бордели?! Там красные флаги везде – борются за нравственность! – запротестовал Бритый.

– Знаю вас! Сам такой, – улыбнулся Торба.

– А я? – ухмыльнувшись, спросил Кабан.

– А тебе – тем более, – нахмурился Торба. – Бери Штангу и дуйте на лесоповал.

– Как, вроде суда еще не было? – попытался пошутить Кабан.

Правая рука Торбы медленно потянулась к пистолету:

– Я твой суд и прокурор, и мать родная: сам тебя породил – сам тебя и порешу.

– Понял, – быстро проговорил Кабан. – А что там делать?

– Поживите недельку, побывайте на всех заготовках, посмотрите, как работает техника, какое настроение у рабочих, как идет складирование древесины, проведите совещания с начальниками участков: объясните, что идет проработка вопроса по переработке древесины, ищутся новые партнеры, поэтому пока вывоз леса приостановлен, – сказал Торба.

– Понял, – сказал Кабан. – Нужно, чтобы народ не бузил.

– Правильно! А для этого нужно народу вселить уверенность в завтрашнем дне – рассказывать – народ любит сказки! И карабины не забудьте взять. Напомнить нелишне, что закон – тайга, а прокурор – медведь.

– Может, еще кого прихватить с собой? – спросил Кабан.

– Пока не надо, но, если что – звони. Возьми мой спутниковый.

Когда Бритый с Кабаном вышли из кабинета, Торба взял стакан с недопитым виски, откинулся на удобную спинку кресла, сделал глоток.

«Блин, всё же развалится без меня! А ведь мечтал же пожить за границей, покайфовать на океанских тропических островах! А тут как раб на галерах – только сам себя приковал цепями! – думал Торба. – Систему надо выстраивать! Чтобы сама работала. А где людей брать?.. Ну вот, опять вернулся к Вовану. А если на нем не заикливаться, а взять, например, ту же Люсю: и образование есть – языки знает, и голова вроде соображает – компьютер, гаджеты всякие – это ей в помощь, и внешность, как с обложки журнала, – красивые всё же у нас бабы, в Сибири, – думал Торба. – Но ключевое здесь слово „баба“ – куда её одну пошлешь? Охрана нужна! Сопровождение. Да и передрасться из-за нее могут пацаны...»

Торба поднял трубку:

– Люся, зайди, пожалуйста.

Секретарь вошла в кабинет.

– Слушаю, Иван Геннадьевич.

Торба внимательным взглядом окинул элегантную женщину, стоящую перед ним, задал неожиданный вопрос:

– Люся, а вы стрелять умеете?

– Нет, – еле скрывая удивление, ответила секретарь. – Но, если надо, могу научиться.

«Вот! А Вовкина Любаша и стрелять умеет, и ножи метать может не хуже, чем я или Вован», – вдруг вспомнил свою деревенскую жизнь Торба.

– Ладно, идите, – сказал разочарованно он. – Да, пригласите ко мне главного бухгалтера и финансового аналитика. И сами тоже зайдите вместе с ними.

Секретарь вышла из кабинета и плотно закрыла за собой дверь. Торба сделал еще маленький глоток вискаря.

«Эх, мама, ты моя мама, как же ты много сделала для меня: родила, воспитала таким, какой я есть, а вот брата мне не родила! А брат мне такой, как Вовка, очень бы пригодился в жизни. Без брата и опереться не на кого!» – думал Торба.

6

Вертолет летел на высоте птичьего полета на минимальной скорости, и, хотя до верхушек деревьев было несколько десятков метров, пилот очень внимательно следил за высотой, потому что гора могла взметнуться перед носом вертолета так неожиданно, что уклониться от нее уже было бы невозможно.

Майор Блинов, начальник геологоразведки, юрист и охранники смотрели в иллюминаторы, пытаясь увидеть то, о чем говорил, инструктируя, старший оперуполномоченный.

– Мы ищем людей, это раз, – говорил Блинов. – Места пребывания этих людей: избы, палатки, шалаши – это два. И следы пребывания этих людей: костры, угли от костров, средства передвижения. А если кто рассмотрит следы от ног – так тому сразу будет благодарность лично от меня!

Сделав короткий полукруг над таежно-гористой местностью, вертолет полетел над степной долиной.

К майору Блинову подошел командир вертолета, доверив пилотирование крылатой машиной второму пилоту, спросил:

– Будем снижаться?

Блинов секунду подумал, потом, глядя в иллюминатор, сказал:

– Мне, кажется, не надо. И так все просматривается, как на ладони, – не спрячешься!

А давайте сделаем над долиной кружок пошире, чтобы совсем уж убедиться, что никто в ту сторону не пошел?!

– Давайте, – охотно согласился первый пилот.

– Границу только не нарушайте? – улыбнулся Блинов.

– У нас же навигация, – улыбнулся пилот.

– А потом покружим над тайгой от Большой реки до Большого озера, – сказал Блинов.

– Так это же огромный квадрат – неделю будем кружить! – сказал пилот.

– Ну, тогда на удачу – долетим до Большой реки и от нее километров двадцать-тридцать в сторону Большого озера. Или, наоборот: отсюда по прямой в сторону Большого озера километров двадцать – двадцать пять – дальше навряд ли они ушли, а там повернем и к Большой реке.

– Есть, товарищ...

– Майор, – подсказал Блинов.

– А кого ищем? – не удержался и из любопытства спросил пилот.

– Ну, если бы я сам знал, – улыбнулся старший опер.

– Ну и работа у вас, – мотнул головой пилот

– Служба, – поправил Блинов.

Когда под брюхом вертолета склон горы ушел вниз и он полетел над песчаной долиной в пятисотметровой толще воздуха, вибрация и оглушительный треск двигателя, и шум винтов стали не так чувствительны и громки, и, несмотря на то что скорость вертолета увеличилась, казалось, что он завис неподвижно, но это был лишь оптический обман из-за высоты и из-за однообразного ландшафта, раскинувшегося внизу. Но даже с этой высоты из-за идеальной прозрачности воздуха хорошо просматривались даже редкие небольшие кусты карагатника. А уже человеку, не имеющему специального маскировочного маскхалата, укрыться от зорких глаз старшего опера было невозможно.

«Да и вряд ли кто-нибудь ждал бы его, опера, на этом открытом пространстве несколько суток», – размышлял Блинов.

Сделав большой полукруг, вертолет полетел в сторону Большой реки. Горы, поросшие редколесьем, взметнулись вверх, и теперь они летели опять в нескольких десятках метров над верхушками деревьев, распугивая диких зверей и птиц, которым и не надо было посылать

сигналы опасности на всю тайгу, – шум работающего двигателя и крутящихся винтов были слышны за километры раньше, чем появлялась винтообразная машина.

Майор Блинов внимательно смотрел в иллюминатор, непроизвольно любуясь картинами, проплывающими внизу. Горы, которые были водоразделом, становились все ниже, тайга становилась все гуще. И вот уже вдали ярко блеснула на солнце лента Большой реки, которая текла у оснований этих гор, с юга, с обширного высокогорного плато, где она вбирала в себя воду многочисленных родничков, ручейков, таящих все лето ледников.

Звонок спутникового телефона раздался как будто из другого мира.

– Вас, товарищ майор, – сказал начальник геологоразведки, протягивая телефон старшему оперу.

– Блинов слушает, – произнес старший опер.

– Давай, Блинов, все бросай и вылетай срочно в ГУВД! – вместо приветствия сказал начальник Управления уголовного розыска. – У нас резонансное убийство, в райцентре, который курируешь ты. Дело на контроле у губернатора. Начальник главка приказал задействовать все самые лучшие силы и средства. Все! Это приказ!

– Так, здесь, тоже серьезное дело, – попытался возразить старший опер.

– Это приказ начальника главка! Все понял, майор Блинов?!

– Понял, – ответил старший опер.

Он вернул спутниковый телефон начальнику геологоразведки, взглянул в иллюминатор и вдруг вдалеке, метрах в пятистах, увидел на берегу Большой реки новый сруб избы и двух мужиков, которые с помощью веревки и нехитрого рычага-подъемника затаскивали очередное бревно наверх.

– Виктор, скажите пилотам, чтобы садились. – Блинов указал пальцем в иллюминатор.

Начальник геологоразведки взглянул в иллюминатор, увидел сруб и мужиков и направился в кабину пилотов.

Вертолет, сбрасывая скорость, еще немного снизился и уже летел над строящейся избой. Майор Блинов внимательно смотрел в иллюминатор и видел все, как на ладони: и длинные деревянные лодки, вытянутые на берег, и выложенный камнями очаг, рядом с которым был вкопан длинный деревянный стол с двумя скамьями по бокам, и две старые избы, стоявшие параллельно неглубокому логу, заросшему лиственницами и елями. Видел, как двое мужиков, бросив работу быстрым шагом направились к этим старым избам, видел, как третий мужик спрятался за бревна, лежащие рядом с новым срубом. Потом увидел, как мужики вышли из изб: один, что повыше и поздоровей, с карабином в руках направился в елово-лиственничную чащу, а второй с двумя мелкокалиберными винтовками вернулся назад к срубам и отдал одну мелкашку мужику, прятавшему за бревнами.

Майору Блинову сразу, когда вертолет уже почти завис над этой крошечной деревней и когда собаки с отчаянным лаем бросились облаивать неведомую железную птицу, показалось, что он уже когда-то видел и этих собак, и этих мужиков. Но, когда наконец он окончательно убедился, что их всех знает, у него почему-то на душе стало спокойно и тепло.

Начальник геологоразведки, тоже наблюдавший все это из своего иллюминатора, с тревогой сказал:

– Товарищ майор, они вооружены! Вы думаете, это они убили Антонио?

– Нет.

– А, понял, это они натоптали следов там, на Белой горе!

– Вы размер тех следов помните?

– Детские или женские.

– А у этих минимум сорок третий, а то и сорок четвертый.

– А вон у того маленького мужичка!

– Ну, у него сейчас, когда приземлимся, и замерим. – Блинов еле сдержался, чтобы не улыбнуться.

– Думаете, нам опасаться их не стоит? – спросил начальник геологоразведки, видя, что майор Блинов и не думает расчехлять свой карабин.

Старший опер внимательно посмотрел на начальника геологоразведки.

– Если бы они были на Белой горе, дорогой Виктор Комаров, то ваш Антонио остался бы жив.

– Это почему? – не понял начальник геологоразведки.

– Потому что эти мужики – охотники. И они здесь – Закон! Они бы не стали ждать, когда приедет полиция, – сказал Блинов.

– Значит, закон – тайга, а прокурор – медведь, – с легким разочарованием произнес начальник геологоразведки.

– Нет. Просто они нормальные люди и нормальные мужчины, которые могут защитить и себя, и других.

Вертолет медленно опустился на поле, за огородом, где была посажена картошка, и, хотя до него от сруба было всего метров сто, Сергей Лукич глядел в бинокль, и, когда двигатель перестал реветь и винты, крутящиеся по инерции некоторое время, стали останавливаться, изнутри открылась дверь и первым на землю спустился человек в охотничьем камуфляже, но с кобурой пистолетной на боку. В руках у него был зачехленный, судя по форме и весу, карабин, а его лицо показалось знакомым.

Кобели Самур и Грай с лаем бросились к этому человеку и порвали бы, если бы вдруг человек в камуфляже не произнес:

– Фу, Самур! Свои! Не признал?!

Самур остановился, потянул воздух широкими ноздрями, но приближаться к человеку из вертолета не стал – стал настороженно наблюдать за другими людьми, спускающимися из вертолета на землю, молча скалясь и зло повизгивая, предупреждая и незнакомых людей, что с ним шутки плохи, и своего хозяина о возможной опасности.

Хозяин же Самура наконец вспомнил человека в камуфляже, спустился со сруба и пошел навстречу непрошеным гостям, кинув Семену:

– Кажется, опер Блинов к нам пожаловал.

Семен окликнул своего Грая, но вылезать из своего укрытия из бревен пока не стал.

Когда Сергей Лукич с мелкашкой в руке подошел к гостям, человек в камуфляже радостно воскликнул:

– Давно не виделись, Лукич, здравствуйте! Как вас сюда, в такую глушь, занесло?!

– Здорово, коль не шутишь, капитан Блинов.

– Майор, – встрял в разговор начальник геологоразведки.

– А для меня что капитан, что майор, – недовольно произнес Сергей Лукич, глянув сердито на начальника геологоразведки. – Прежде чем дальше гутарить, можно я взгляну в ваш вертолет?

Старший опер немного опешил:

– А я думал, что только я здесь сыскарь. Ну, раз так – смотри, конечно, Лукич. А то по-другому разговора у нас не получится?

– Правильно понимаешь, – ответил Сергей Лукич и скомандовал Самуру: – За мной!

Самур первым подбежал к вертолету, оглянув незнакомых людей и обнюхивая их на расстоянии, обнюхал крылатую машину вблизи. Реакции, которая нужна была Сергею Лукичу, он не проявил, значит, того, что искал Сергей Лукич, в вертолете не было, но он все-таки поднялся в вертолет и внимательно осмотрел содержимое салона, внимательно осмотрел дюралевый пол.

Спустившись с вертолета, Сергей Лукич, повесил мелкокалиберную винтовку на плечо, потрепал за ухом Самура.

– Похоже, ты что-то ищешь, Лукич? – спросил майор Блинов.

Сергей Лукич не ответил.

– Ну а поздороваться-то сейчас по-нормальному можно?

– Можно, – кивнул Сергей Лукич и протянул майору Блинову руку для рукопожатия.

Пока Сергей Лукич здоровался и знакомился со всеми прибывшим, Семен выполз из своего бревенчатого схрона и, взгромоздившись на тележку, покатил навстречу гостям.

Начальник геологоразведки, увидев его, рассмеялся из-за своей глупости, на секунду представив, какие следы оставляют его культы, облаченные в кожаные штаны, и протянул Семену руку:

– Виктор Комаров – начальник геологоразведки горно-обогатительного комбината.

Семен осторожно пожал его руку, держа во второй мелкокалиберную винтовку. Грай оскалился, но нападать на незнакомца не стал. Семен взглянул на Сергея Лукича.

– Вовку зови, ну и Татьяну с Любашей.

Вскоре из ельника вышел Вовка с карабином наперевес, но Тайга, залегшая в засаду, выходить на открытое пространство не спешила.

– Ко мне! – крикнул Вовка, а когда собака, нехотя оставив свое удобное для нападения место, все-таки подошла, несколько раз сказал: – Фу! Фу! – указывая в сторону гостей.

Майор Блинов, увидев Вовку, еще раз оценил его сухую, состоящую из одних мышц и сухожилий, мощную фигуру, отметив мимоходом: «Какого кадра лишился Торба!», радостно произнес:

– Здорово, Вован! – Но приближаться к нему не спешил, видя, как серая длинная, вылистая волчица, Тайга заходит сбоку.

– Вовка внутренне слегка вздрогнул – его давно никто так не называл, но быстро собрался и, поняв настроение Тайги, сказал:

– Фу! Фу! Свои!

Тайга нехотя подчинилась и, поводя длинным тяжелым хвостом, зашла за Вовкину спину.

– Майор Блинов протянул руку.

– Как дела?

– Ну, дела у прокурора, – улыбнулся Вовка.

– Ну и у вас, судя по поведению Лукича, – улыбнулся Блинов. – Кого ищем?

– А это вы у него и спрашивайте, – опять улыбнулся Вовка.

– А зачем на елку в засаду садился, это тоже у Лукича спрашивать?

– Не на елку, а на лиственницу... Так я старые навыки, чтоб не забыть, отрабатываю, в погранвойсках все-таки служил, – засмеялся Вовка.

Татьяна с Любашей, окликнутые Семеном, вышли из избы, поздоровались и принялись радостно суетиться.

– Только чаю, больше ничего готовить не надо! Мы спешим! – распорядился Блинов.

– Ну, к чаю немного мяса вяленого, маралятины, да яичницу сделаю – куры, слава богу, хорошо нестись стали! А то после переезда, с перепугу, вообще не неслись, – сказала Татьяна.

– Ну, тогда и от нашего стола принимайте. – Майор Блинов шепнул охраннику: – Тащите еду из вертолета, да мужикам что-нибудь покрепче.

– Понял, – обрадовался охранник, для которого наконец-то нашлось дело.

Подошел начальник геологоразведки, с извиняющейся улыбкой сказал:

– Товарищ майор, я был не прав в отношении того маленького мужика.

– Семена? – уточнил Блинов.

– Да, – улыбнулся начальник геологоразведки. – Ну у вас и шутки, майор!

– Бывает, – улыбнулся старший опер. – Заносит.

– Виктор, вы слышали разговор по спутнику, начальство требует срочного моего возвращения, поэтому долго чаи распивать не будем – я переговорю с Лукичом и адью. Да, а вы никому ничего про скульптора не рассказывайте. Да, еще... Люди живут вдали от цивилизации, сами видите, магазинов здесь нет, автолавка тоже сюда не приезжает, поэтому просьба, если есть что лишнее, ну там консервы какие, крупы, сахар, соль, из шмутья, может, что, рыболовные снасти... Про патроны я не говорю, – подчеркнул старший опер, но посмотрел многозначительно, – это противозаконно. Ну вы, Виктор, сами понимаете.

– Понял, – сказал начальник геологоразведки и, позвав второго охранника, направился назад к вертолету.

Любаша принесла из стайки тарелку со свежими куриными яйцами, Татьяна на столе нарезала тонкими ломтиками вяленое маралье мясо и раскладывала его на большом желтом блюде. Таких керамических блюд, покрытых ярко-желтой гладкой краской, было привезено сюда два, но одно, к сожалению, оказалось надколотым у самого края. Вроде бы и эстетический вид эта выбоинка не особо портила, и функционал, тем более, не нарушала, но примета была плохой – пользоваться битой посудой, потому и решили его унести в курятник – выведутся желтые цыплята – вот и пусть клюют себе зерно с такого же желтого, как они, блюда. Хотя и зерно нужно было еще вырастить, да и цыплятам еще предстояло появиться на свет – пока лишь одна несущка распушилась и ходила по курятнику, по-хозяйски кудаяхая, подыскивая место для гнезда.

Вовка принес от поленницы охапку дров, Семен принялся в выложенном гладкими камнями с реки очаге разжигать костер, нащипав предварительно большим ножом лучины, Сергей Лукич с двумя ведрами направился в лог, где летом можно было набрать чистой воды из ручья.

– Поговорить бы, Лукич? – сказал майор Блинов.

Сергей Лукич посмотрел на старшего опера внимательно, понял, что разговор не для больших ушей и длинных языков, сказал:

– Иди позагорай на бревнышках, возле сруба, воды наберу и приду.

Майор Блинов дошел до сруба. Яркие солнечные лучи, отражаясь от недавно очищенных от коры бревен, придавали этому еще не законченному строению вид торжества человеческого созидания, цельности и гармоничности окружающего, оторванного от цивилизации, от её проблем, мира, создавая иллюзию тишины и полного покоя. Блинов прикоснулся рукой к светло-коричневому, слегка шершавому, пахнущему еще еле уловимо сосновой смолой бревну. Ему стало на душе хорошо от этого прикосновения, и сразу было не понять, почему: то ли из-под корки памяти всплыли безотчетные ощущения и воспоминания детства, которое он провел в своей деревне, то ли его психика требовала защиты и опустила своеобразные жалюзи, отсекая неприятное недавнее прошлое и неопределенное ближайшее будущее, погружаясь в покой и тишину настоящего мгновения. Но было хорошо. И от этого Блинов увидел вновь, как в детстве, много новых ярких красок зеленой травы, темно-зеленой хвои елей и нежную зелень лиственниц, и голубое небо, почти бездонное, в своей высоте, переходящее в космос, и коричнево-красные стволы стройных сосен, и блеск холодной прозрачной речной воды. Увидел красоту и гармонию этого мира, вдохнул воздух, пахнувший неповторимо перемешанными запахами реки, тайги, поля, далеких гор, услышал тишину, наполненную щебетом птиц, жужжанием шмелей и мух, порханием бабочек и стрекоз, плеском рыбы на реке, и ему захотелось остаться в этом мире, чтобы прожить здесь свою жизнь.

Он присел на ободранные от коры бревна, облокотил на них зачехленный карабин и стал смотреть на противоположный берег реки, где, как в известном фантастическом фильме, казалось, висели в воздухе гранитные красные скалы, покрытые сверху зеленым ковром с редкими искривленными, словно в бонсае, соснами, из-под которых вытекали ручьи, падавшие отвесно

с этих скал. Мелкие капельки воды прозрачных водопадов преломляли солнечные лучи в цвета радуги.

Подошел Сергей Лукич.

– Красиво у вас, – возвращаясь к действительности, произнес майор Блинов.

– Ну, хорошему человеку мы всегда рады. Приезжай, поможем сруб поставить, живи, – сказал Сергей Лукич.

– Спасибо. Было бы еще время – служба.

– Выйдешь на пенсию, приезжай.

– Ну, до пенсии еще ого-го-го сколько... Лукич, хочу спросить: что ты искал в нашем вертолете?

– Нет, сначала ты, майор, скажи, что вас сюда занесло? Не на прогулку же прилетели? – прищурил глаз Сергей Лукич. – Да еще такой разношерстной оравой?!

– Хорошо. Лукич, знаешь Дикий ааржан?

– Знаю, бывал там давно, но пока до него не дошли, надо обустроиться, а потом будем разгуливать, – сказал Сергей Лукич.

– Белую гору помнишь?

– Помню, из мрамора она.

– Откуда ты знаешь?

– Так все местные знают.

– У подножия Белой горы обнаружили труп скульптора – камень на голову упал.

– Кто обнаружил?

– Вот как раз начальник геологоразведки, со мной который прилетел.

– Так, – сказал Сергей Лукич. – А скульптор-то откуда там взялся?

– Гора же из мрамора. Он выбивал из него статую своей девушки... Но не в этом дело.

Дело в том, что там примерно в это время побывал на вертолете ваш с Вовкой друг – Торба со своими подручными.

– Земляк, с одной деревни он. Значит, он расстрелял медведей! – сплюнул на землю

Сергей Лукич. – Шкуры снял, они как люди там на склоне остались.

– Значит, ты шкуры искал в нашем вертолете? – спросил старший опер.

– Да, – ответил Сергей Лукич.

– Интересно. А где?

– На Медвежьей горе, расстреляли с вертолета. Убивали из автоматов. Медведица с детишками: два пестуна и два совсем еще малых медвежонка.

– Думаешь, они?

– Одно из двух: либо они, либо вы, – через силу улыбнулся Сергей Лукич. – А от нас то что надо?

– Выше по склону я обнаружил следы. Небольшие: то ли женские, то ли подростковые. Это свидетели. Мы их как раз и искали, пока не наткнулись на вас. Не знаешь, Лукич, кто бы это мог быть? – спросил старший опер.

– Не знаю, – сказал Сергей Лукич. – А если бы даже знал, все равно не сказал бы.

– Почему? – Старший опер опасался такого поворота разговора. Он знал психологию этих таежных жителей, которые не любили людской суеты, наплыва людского, вмешательства в их жизнь, предпочитая самим разбираться даже в таких делах.

– Лукич, мы же вроде друзья? – попытался сгладить тупиковую неловкость старший опер.

– С Блиновым я друг, а с майором – нет, – улыбнулся Сергей Лукич.

И старший опер понял, что разговор с Лукичом закончен.

7

Двухметровые ледяные торосы, вскинувшиеся почти вертикально, словно толстое прозрачное стекло, преломляли декабрьские лучи маленького холодного солнца, которое совсем не грело, а лишь освещало суровый замерзший мир. С обеих сторон Большой реки крутые горы, склоны которых поросли труднопроходимой тайгой, подходили к самой реке, не давая путникам прохода. Свободным оставался лишь путь по льду реки.

На порогах мороз еще не в силах был сковать бьющие упругие струи ледяной воды, образуя коварные полыньи, и потому лошади вели себя настороженно, вперед идти не хотели, переступали на месте с ноги на ногу, скользя копытами и пятясь. Всадники в форменном обмундировании сотрудников НКВД, в накинутых поверх шинелей овчинных полушубках и в будёновках с большими красными звездами на лбу, на которые некоторые из бойцов умудрились натянуть малахаи из собачьих шкур, пытались удержать фыркающих коней, успокоить. Издалека из-за овчинных полушубков и малахаев всадников можно было принять за местных, но внимательный глаз различал за их спинами и длинные винтовки, предназначенные для пеших бойцов, а не короткие кавалерийские карабины и слишком громкий, не привычный для этих мест, говор.

– Может, к чёрту этих кержаков? – выругался один из них. – Вернемся после Нового года!

– Отставить разговоры! – крикнул командир отряда, на боку которого висела кобура с торчащей наружу деревянной ручкой револьвера. – Боец Матвеев, про сплошную коллективизацию слышал?!

– Так точно, – вяло ответил боец.

– А в ноябре что мы праздновали?.. Правильно, Двадцать лет победы Великой Октябрьской социалистической революции! И, когда весь советский народ двадцать лет строит светлое будущее, эта кержацкая контра не желает вступать в колхоз!

Командир свою речь закончил, развернул жеребца и легонько пришпорил его.

– Но-о-о! Пошел!

Жеребец заржал, выгнул шею и, раздумывая, очевидно, сбросить ли в отчаянии всадника, посылающего его на верную смерть, скосил на него испуганный глаз.

– Ладно, – разговаривая с жеребцом, сказал командир, – я пойду первым.

Он спрыгнул с коня и, крепко ухватив его за уздечку, пошел вперед, обходя ледяные торосы. Бойцы последовали его примеру, и караван из двух десятков вооруженных людей, ведущих за собой лошадей, растянулся по замершему руслу Большой реки...

Громко протопав по крыльцу, в избу вбежал старший сын.

– Крестятся при входе и шапку снимают, – недовольно осадил сына Онисим.

Сын стянул с головы шапку, перекрестился двумя перстами, перевел дыхание.

– Седай. – Онисим кивнул на лавку.

– Батя, они идут по реке!

– Кто? – не понял Онисим.

– Человек двадцать, с винтовками, лошадей за собой ведут!

– А лошадей-то почему ведут? – не понял Онисим.

– Так, батя, лед скользкий, еще не весь снегом покрыт, да и промоины на порогах. Животина боится.

– До нас им еще сколько топать? – спросил Онисим.

– Я-то срезал напрямки, но часа через три-четыре будут здесь, – сказал сын.

Онисим задумчиво почесал седую уже бороду, встал с лавки, упал на колени перед иконой Спаса:

– Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

Сын упал на колени рядом с отцом.

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша...

Онисим прервал молитву, сказал сыну:

– Кликай всех. Мать с девчонками в стайку пошли, брат твой дрова колет, деда с бабкой в соседней избе не забудь.

Когда все собрались, Онисим сказал:

– Уходить бы надо, но дьявольское отродье на лошадях, нагонят – снега еще не шибко много.

– Куды нам с бабкой? – категорично спросил дед. – Поздно нам уже кого бояться, кроме Господа.

Бабка, соглашаясь с дедом, кивнула:

– Я здесь помирать буду.

Онисим посмотрел на жену.

– И я куды? С грудным-то? Далеко не уйду. – Жена прижала, покачивая, трехмесячного сынка, который, наевшись молочка, крепко спал, пока родня в избе не собралась.

Онисим с досады закашлял.

– И то верно, – произнес он. – Мы с матерью, Игнашкой и Маруськой... – Он посмотрел на трехлетнюю дочку. – Остаемся. А вы собирайтесь – уходите. Идите до старого скита, там отогреетесь, заночуете, а оттуда топайте на Большое озеро. Люди добрые там, чай, подмогнут. Сюда ни-ни. Если шю, сам вас ссычу. Поняли?!

Старшие дочери – четырнадцатилетняя Евдокия и восьмилетняя Пелагея, заревели, а старший сын твердо произнес:

– Я тебя, батя, не оставлю, хошь что делай.

– И я, – поддержал его сын-погодок.

– Так, отца не слушать? – вскипел было Онисим, но жена его осадил:

– Может, Бог смилует?

Онисим посмотрел на жену, сказал:

– Собирай Евдокию с Пелагеей, им еще засветло бы добраться до скита.

Трехлетняя Маруська уткнулась в материнское плечо и заревела в голос:

– Хочу с Дуней!

У Онисима что-то екнуло в левой стороне груди.

– Справитесь? – Он смотрел на старших дочерей.

– Снега немного, а бегаёт она быстрее меня, – улыбнулась Евдокия.

– Мать, вяленого мяса им да рыбы копченой, ну и сухарей мешок. Ну и чай, соль, спичек, котелок, топор, нож и мой карабин пусть забирают.

– Тяжесть ведь какая, – возразила жена Онисима. – Может, ружье?

– Энта тяжесть лучше сгодится. Евдокия, ты стрелять с карабина умеешь?

– Ты ж, батя, меня сам учил, – ответила дочь...

– Да, вот ишо! – Онисим встал, подошел к домовому иконостасу и, перекрестившись, снял икону Спаса. – Пуще карабина её берегите, – сказал он, протягивая икону дочерям...

Семен протер глаза и с удивлением глянул в окно. За окном стоял солнечный теплый сентябрь. Зеленые листья деревьев лишь только кое-где начинали окрашиваться в желто-красный цвет, а трава дальнего пригорка, на котором росли великолепные столетние сосны, и вовсе была зелена, как летом.

– Ну и приснится же! – сказал Семен и, вспомнив, чему его учил Лукич, зажал пальцы в фиги и произнес, глядя в окно:

– Ночь – прочь, сон – прочь! Ночь – прочь, сон – прочь! Ночь – прочь, сон – прочь!..

Когда теплым по-летнему сентябрем ночью с дальних гор, где выпал первый снег, потянуло в долину холодом, над теплой водой Большой реки встал белый туман. Он был плотным и белым, как молоко, и низко парил над самой водой, отчего, казалось, что это река несла белые воды. Туману не нравилось, что его путают с рекой, и он, как халиф на час, надувался от своей важности. Но чуть стоило ему подняться выше, как первые лучи встающего солнца быстро растворяли его.

Сергей Лукич стоял на берегу и, словно зачарованный, смотрел на белую реку. Он понимал, что через мгновение это невероятное неземное видение исчезнет. И он с легким сожалением думал о том, что такую, можно сказать, священную картину, он лицезрел один.

«Спят долго, – с досадой подумал Сергей Лукич. – Ну, ладно, Любаша, ей по положению положено, а вот Вовка с Семеном да и Татьяна могли бы и посмотреть на это чудо. А потом будут длинными зимними вечерами у теплой печи пытаться меня, что я знаю про страну такую Беловодье. Есть ли такая страна и где находится, и далёк ли до неё путь? А она вот – рядом: встань пораньше да присмотришься получше. И поймешь, что это не легенда, а истинная правда! Правда, что есть такая страна – Беловодье!..»

И Сергей Лукич направился к избе будить друга. И, когда Семен договаривал последнюю фразу: «ночь – прочь, сон – прочь», не стучась, вошел в избу.

– Дрыхнете! И чудес не замечаете! – сказал с осуждением Сергей Лукич.

– Какие чудеса, Лукич? Тут опять такое снится!

– Какое?

– Как наяву!

– Опять медведь? – Сергей Лукич сплюнул через плечо.

– Если бы! Есть хищник пострашнее – человек! Целый отряд с винтовками, идут, похоже, к нам. Лошадей ведут!

– Почему ведут? – не понял Сергей Лукич.

– Так по льду! И копыта скользят, и полыньи на порогах – лошади боятся!

– А зачем к нам?

– Кержаков каких-то ищут... А что у тебя? Что за чудо? – спросил Семен.

– Так пойдем быстрее, может, сам и увидишь! – сказал Сергей Лукич.

По дороге к ним присоединился и Вовка.

– Пап, Семен, вы куда?! – вместо приветствия спросил он.

– Не закудыкивай, – произнес отец. – Если хошь – беги быстрее!

Подойдя к небольшому обрыву – спуску к реке, они остановились. Семен со своей низенькой коляски ничего особого не видел и, чтобы все-таки рассмотреть то чудо, о котором намекнул Сергей Лукич, приподнялся на руках.

Большая река уже давно сбросила полноводный весенний поток воды и еще не приняла излишнее дождевое осеннее пополнение, текла на самом низком своем уровне, но вода в ней, как никогда в другое время года, была прозрачной. Прозрачной до такой степени, что в солнечных лучах отчетливо были видны темно-коричневые спины хариусов и искрящиеся миллиардами разноцветных звездочек бока ленка, который лениво ждал на мелководье свою добычу в виде мелкой рыбешки или попавшей в воду мыши или другого мелкого зверька, если его, конечно, не опережал император этих вод – таймень.

На берег подошли Татьяна и Любаша и молча стали смотреть туда же, куда смотрели и мужики, пытаясь понять, что их так заинтересовало. И собаки Самур и Грай тоже подбежали на берег вслед за людьми. Тайга, лежавшая у Вовкиных ног, на всякий случай молча оскалилась на них. Но этим дело все и закончилось.

– Ну и где твое чудо, Лукич? – наконец произнес Семен.

– А разве это не чудо? – спросил Сергей Лукич. – А не продрыхли бы – увидели бы и белую молочную реку! Как в Беловодье! – добавил он.

И еще некоторое время они стояли на берегу, непроизвольно наслаждаясь и тишиной, и земной красотой, и тем неповторимым запахом чистой реки, в котором уже улавливались и запахи ранней осени – редкие пока листья уже падали в реку, да и ранние зимние запахи – кое-где в горах по ночам уже выпал первый снег, который от лучей солнца, конечно, таял, но еле уловимый запах от него оставался.

Плотный, неторопливый завтрак с длинным чаепитием, как обычно, в хорошую погоду проходил за большим деревянным столом под навесом, рядом с костровищем, выложенным округлыми камнями из реки. С другого торца стола находилась небольшая печка с чугунной плитой из песчаника и глины, и вкопанные в землю скамьи не мешали подходу к столу, на котором не только расставлялась готовая еда, но и на торце которого происходила разделка продуктов для приготовления.

Со скамьи, если сидеть спиной к реке, хорошо просматривались две будущие улицы деревни, которые упирались друг в друга перпендикулярно, аккуратно в том месте, где была летняя кухня. Правда, на каждой из этих улиц было всего по два дома: две старые избы, которые остались еще от прежних жителей деревни, крыши которых были заново крыты Сергеем Лукичом и Вовкой еще два года назад; и два новых дома, тоже срубленных из бревен, но избами которые уже называть было нельзя, потому что у них были и теплые прихожие с подведенными трубами канализации, и были палисаднички перед парадной стороной, с вкопанными столбами и поперечеными, но еще не обрешетенными, и со временем появятся и навесы для техники и, конечно же, сараи, теплые стайки для скота и птицы, и ограды. Будут ли это закрытые заборы из досок или жерди, пока решено не было – не до этого было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.